

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 12

Донецк – 2020

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 12

Донецк – 2020

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсеева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **Г.Г. Слышкин** (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovoï** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian University of Transport, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 9 от 27.11.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

Словообразование и грамматика

УДК 811.161.1

Е.Ю. Аламайрех

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

РЕЕСТР ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВТО»

Работа посвящена описанию системы дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авто» в русском языке. Автор определяет понятие «дешифровальный стимул», устанавливает систему семантических типов дешифровальных стимулов, представляет дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «авто» в виде реестра.

Ключевые слова: *дешифровальный стимул, аббревиатурная группа, сложносокращённый апеллатив, эквивалентность.*

Цель предлагаемой статьи – дать реестр дешифровальных стимулов (далее – ДС) аббревиатурной группы «авто». Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач: определить понятие «ДС», установить систему семантических типов ДС, представить ДС аббревиатурной группы «авто» в виде реестра. Объектом исследования являются сложносокращённые апеллативы, входящие в аббревиатурную группу «авто». Под сложносокращённым апеллативом мы понимаем ««нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [Теркулов 2020, с. 104], например *автобензин (автомобильный бензин), автовокзал (автобусный вокзал)* и под. Под аббревиатурной группой понимается совокупность аббревиатур, имеющих тождественный абброконструкт, в нашем случае – *авто-*.

В работе использовался синхронный подход, настроенный на определение системы актуальных дешифровок / эквивалентов сложносокращённых апеллативов. Есть два параметра актуальной текстовой эквивалентности. Во-первых, эквивалентное словосочетание должно включать в свой состав компоненты, «воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [Теркулов 2018, с. 87]. Например, для слова *автосервис* в текстах отмечаются следующие эквиваленты: *автомобильный сервис* (соответствие конструкторов: *автомобильный = авто, сервис = сервис*), *сервис для автомобилистов* (*сервис = сервис, автомобилистов = авто*), *сервис для автолюбителей*

(*сервис* = *сервис*, *автолюбителей* = *авто*). Во-вторых, оно должно употребляться в так называемых эквивалентных текстах, под которыми понимаются «тексты (текст), в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы» [Теркулов 2018, с. 76].

Применение этих параметров при поиске эквивалентов аббревиатур позволило обнаружить, что на синхронном срезе языка сложносокращённое слово имеет не один эквивалент, а несколько. Например, для слова *автогараж* обнаружены эквиваленты *автомобильный гараж*, *гараж для автомобиля*, *гараж для автомобилей*, *гараж для авто*, *гараж для автотранспорта*, *гараж для автомашин*, *гараж для автомашины*, *гараж для автотранспортных средств*, *гараж для автобусов*, *автобусный гараж*, *автотранспортный гараж*, *гараж для автомобильного транспорта*

В основе множественной эквивалентности аббревиатур лежит система ДС – «имплицитных знаний носителя языка, которые стимулируют возможность разной дешифровки сложного слова» [Рязанова 2017, с. 110]. В.А. Рязанова, анализируя мутантные конструкты, то есть компоненты структуры сложных слов, которые одновременно могут трактоваться и как АК, и как композитные конструкты (например, *хлебопоставки* – это одновременно и *хлебные поставки* и *поставки хлеба*), добавляет: «Мы говорим о дешифровании как о процессе «развёртывания» сложного слова в словосочетание независимо от деривационного статуса одной единицы по отношению к другой. Дешифрование сложного слова происходит по разным стереотипным схемам (моделям), в которых мутантный конструкт развёртывается разными способами, при этом получает определенный набор граммем и реализует одну из своих формально-семантических разновидностей (абброконструкт или композитный конструкт)» [Рязанова 2016, с. 545]. В.И. Теркулов уточняет это определение. По его мнению, ДС – это «стереотип расшифровки абброконструкта» [Теркулов, 2016, с. 19], то есть «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [Теркулов 2018, с. 88]. Большое количество ДС одного АК и становится фактором, обеспечивающим возможность появления у того или иного ССС множества эквивалентов.

В конкретной ситуации расшифровки аббревиатуры носитель языка осознанно или неосознанно выбирает тот или иной ДС в зависимости от целого ряда факторов: семантики ССС, языковых знаний и навыков носителя языка и т.д. Очень важно то, что часто разные ДС могут быть использованы для различной интерпретации значения аббревиатуры. Например, слово *автоавария* может иметь эквивалентом словосочетание *автомобильная авария* с наиболее обобщённой семантикой «авария, в которой принимают участие автомобили», например: *На месте автоаварии погибли два человека, которые ехали в «жигулях», ещё один получил тяжёлые травмы и*

был госпитализирован – **Автомобильная авария** произошла около 7-00 по Москве 7 сентября на 17 километре федеральной трассы «Черкесск – Домбай» (<https://kavkaz.versia.ru/dtp-na-trasse-cherkessk-dombaj-zhigulivrezalis-v-ostanovku-dva-cheloveka-pogibli-odin-gospitalizirovan>). В текстах обнаруживается также эквивалент *автомобильная авария*, который указывает в первую очередь на место, где она произошла (*автоморога*): *Вы знаете что-нибудь об **автоаварии**, в которую он попал полгода назад?* – После чего <он> разогнал грузовик и инсценировал **автоморожную аварию** (Константинов 2006), а также *автотранспортная авария*, который расширяет номенклатуру возможных участников аварии (не только автомобили, но и другие автотранспортные средства): *В итоге в процессе **автоаварии** Мария Кончаловская была сильно травмирована и впоследствии быстро транспортирована с места инцидента вертолетом в больницу «Hopital de la Timone» в Марселе – Необходимо напомнить, что в октябре прошлого года имела место **автотранспортная авария** на одной из автомобильных дорог на Юге Франции недалеко от Марселя* (http://newsoof.ru/shou_biznes/print:page,1,30276-mariya-konchalovskaya-poslednie-novosti-o-sostoyanii-zdorovya-na-segodnya-24-maya.html). В р. 2.3. даётся обзор возможных семантических функций ДС.

В отличие от традиционного подхода к определению эквивалентных АК слов, дающему только словарную форму эквивалента ССС (см., например, *авто* – *автомобильный*, *автомобиль* [sokr.ru]), мы считаем необходимым разграничивать токен – реальную презентацию ДС в конкретной аббревиатурной паре – и лемму – словарную репрезентацию однотипных токенов. Например, для леммы *автомобиль* рассматриваемой нами АГ *авто* (*автомобильный*) отмечаются токены *автомобилей* (*автоавария* – *авария автомобилей*); *автомобиль* (*автолаборатория* – *автомобиль-лаборатория*); *автомобилia* (*автоаренда* – *аренда автомобилia*); в *автомобиле* (*автокафе* – *кафе в автомобиле*); в *автомобиле* (*автоинвертор* – *инвертор в автомобиле*); для *автомобилей* (*автобокс* – *бокс для автомобилей*); для *автомобилia* (*автовесы* – *весы для автомобилia*); из *автомобилей* (*автокража* – *кража из автомобилей*); из *автомобилia* (*автокража* – *кража из автомобилia*); к *автомобилю* (*автокомплектующие* – *комплектующие к автомобилю*); к *автомобилям* (*автоаксессуары* – *аксессуары к автомобилям*); на *автомобиле* (*автоизвоз* – *извоз на автомобиле*); на *автомобиле* (*автозапчасти* – *запчасти на автомобиле*); на *автомобиле* (*авторегистратор* – *регистратор на автомобиле*); на *автомобилiaх* (*автогонки* – *гонки на автомобилiaх*); об *автомобилiaх* (*автожурнал* – *журнал об автомобилiaх*); про *автомобиле* (*автоновости* – *новости про автомобиле*).

Наиболее подробное описание ДС представлено в работах А. И. Бровца [Бровец 2016; Бровец 2017; Бровец 2019]. Учёный выделяет два типа ДС: презентативный и интерпретационный. **Презентативный** ДС представляет

собой «грамматически подчиненный ономасиологическому базису ономасиологический признак¹, выраженный адъективно и имеющий обобщенное значение, что обеспечивает нулевую степень интерпретации аббревиатуры» [Бровец 2017, с. 100], например токен *автомобильное* для ССС *автохозяйство – автомобильное хозяйство*. В данном случае носитель языка может сказать, что *автохозяйство* каким-то образом связано с автомобилями (или шире – автосредствами) без указания на характер этой связи. **Интерпретативный** ДС конкретизирует семантику аббревиатурного конструкта. Он выступает в двух разновидностях: релятивной и модификативной. **Релятивный** ДС представляет «формально релевантные аббревиатуре, совпадающие с ней по количеству ономасиологических признаков текстовые эквиваленты, выраженные падежными и предложно-падежными формами, актуализирующими грамматические значения числа и падежа» [Бровец 2017, с. 100]. Это обычно производящее для презентатива слово, которое, используемое как ДС, уточняет актантную семантику ССС. В нашем случае релятивной леммой является слово *автомобиль*, от которого образован презентатив *автомобильный*. Например, для ССС *автосостязания* отмечаются релятивные ДС *состязания автомобилей*, определяющий автомобиль как участника состязаний (агент), и *состязания на автомобилях*, реализующие семантику инструменталиса (автомобиль как средство, которое используется в состязаниях). Модификативные ДС «создают формально более сложные, чем аббревиатура, словосочетания и включают в свой состав дополнительный ономасиологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова» [Бровец 2017, с. 100]. Модификативный ДС имеет вид сложного слова или ССС, например *авторазветвитель – разветвитель для автоприкуривателя* (ср. презентатив *автомобильный разветвитель* и релятив *разветвитель для автомобиля*), или словосочетания, например *авторуководство – руководство по обслуживанию автомобилей* (ср. презентатив *автомобильное руководство* и релятив *руководство по автомобилю*). Некоторые компоненты ДС при этом не обнаруживают эквивалентов в ССС: *прикуриватель* и *по обслуживанию*.

Анализ аббревиатурной группы «авто» дал возможность определить следующий набор ДС для аббревиатурного конструкта *авто-*.

Презентативный стимулы

1. **Автомобильный.** Слово *автомобильный* образовано от существительного *автомобиль* и реализует обобщенное значение «связанный с автомобилем». Рассматриваемое прилагательное как ДС выступает во всех возможных токеновых грамматических разновидностях. Нами отмечаются наборы токенов мужского (*автопавильон – автомобильный павильон*), женского (*автолавка – автомобильная лавка*) и среднего (*автогорючее – автомобильное горючее*) рода, а также множественного числа (*автокурсы – автомобильные курсы*).

Релятивные дешифровальные

2. **Автомобиль.** Лемма **автомобиль**, обозначающая «средство передвижения и перевозки пассажиров и грузов по дорогам, которое состоит из корпуса, четырёх колёс, двигателя и других частей» [ТСД, с.24], выступает в качестве ДС в 25 токенах.

Самыми распространёнными субстантивными дешифровальными токенами являются дешифровальные токены в форме родительного самостоятельного: в форме единственного числа – **автомобиля** (*автовладелец – владелец автомобиля*); в форме множественного числа – **автомобилей** (*автовладелец – владелец автомобилей*).

Достаточно часто данная лемма представлена предложно-падежными токенами родительного падежа: **для автомобилей** (*автобокс – бокс для автомобилей*); **для автомобиля** (*автовесы – весы для автомобиля*); **из автомобилей** (*автокража – кража из автомобилей*); **из автомобиля** (*автокража – кража из автомобиля*).

Форма родительного падежа появляется и в модификативных конструкциях: **для испытаний автомобилей** (*автополигон – полигон для испытаний автомобилей*); **для испытания автомобиля** (*автополигон – полигон для испытания автомобилей*); **по осмотру автомобилей** (*автоэксперт – эксперт по осмотру автомобилей*); **по оценке автомобилей** (*автоэксперт – эксперт по оценке автомобилей*); **для покраски автомобилей**: (*автобокс – бокс для покраски автомобилей*); **для покраски автомобиля** (*автокамера – камера для покраски автомобиля*); **по эксплуатации автомобилей** (*авторуководство – руководство по эксплуатации автомобилей*); **по эксплуатации автомобиля** (*авторуководство – руководство по эксплуатации автомобиля*).

Достаточно часто в качестве токена ДС **автомобиль** выступают предложно-падежные формы **предложного падежа**: **в автомобиле** (*автоприкуриватель – прикуриватель в автомобиле*); **на автомобиле** (*автоизвоз – извоз на автомобиле*); **на автомобилях** (*автогонки – гонки на автомобилях*); **об автомобилях**: (*автожурнал – журнал об автомобилях*).

Часто токеном при дешифровке аббреконтрукта **авто** выступает предложно-падежная форма **винительного падежа** слова **автомобиль**: **в автомобиль**); **на автомобили** (*автозапчасти – запчасти на автомобили*); **на автомобиль** (*авторегистратор – регистратор на автомобиль*); **про автомобили** (*автоновости – новости про автомобили*).

Изредка в качестве токена выступает предложно-падежная форма **дательного падежа**: **к автомобилю** (*автокомплектующие – комплектующие к автомобилю*); **к автомобилям** (*автоаксессуары – аксессуары к автомобилям*).

В ряде случаев ДС используется в форме **именительного падежа** единственного числа. Такой ДС уникален, поскольку в словосочетании он занимает позицию ономаσιологического базиса, то есть выступает в качестве

главного слова эквивалентного словосочетания. Зависимое слово в данном словосочетании выполняет функцию приложения. В аббревиатуре происходит кардинальное изменение ономаσιологических ролей: зависимое слово становится носителем базисного значения, а главное, трансформируясь в аббреконтрукт, получает признаковый статус. Например, такая ситуация отмечается в паре *автобензовоз – автомобиль-бензовоз*.

3. *Авто*. Данный ДС достаточно активен в русском языке, например *деталь авто (автодеталь)*: *Если нужно достичь качественный внешний вид, конкретную автодеталь, допустим, дверь, демонтируют с авто – После этого её разбирают, выпрямляют изнутри, выполняется рихтовка. Далее снятую деталь авто красят в особой камере* (<http://parcovka.ru/courtesy-products/14.html>). В текстах он выступает в функциях, параллельных функциям леммы *автомобиль*. Как отмечается в словаре Д.В. Дмитриева, «в разговорной речи словом *авто* называют легковой автомобиль, если он старинной марки или дорогой, новый» [ТСД, с. 23], что подтверждается таким, например, текстом: «**Выставка старинных автомобилей "Олдтаймер-Галерея"** – крупнейшая в Восточной Европе **выставка авто и технического антиквариата** проводится дважды в году в одном из старейших выставочных центров Москвы – КВЦ Сокольники (<http://bablam.ru/sokolniki/oldtaymer/>), где словосочетанию **выставка старинных автомобилей** соответствует словосочетание **выставка авто** с опущенным маркёром *старинных*, что и предполагает имплицитное наличие этого маркёра в семантической структуре слова *авто*. Однако наше исследование показало, что при использовании слова *авто* в качестве ДС семантические множители «старинный» и «дорогой» достаточно часто нейтрализуются, что приводит к возникновению синонимии *авто – автомобиль/автомобили*. См., например: *Автосервис "Драйв" готов предложить каждому клиенту качественный авторемонт любой сложности – Цены на ремонт автомобилей в Санкт-Петербурге довольно часто не отражают уровень качества предоставляемых услуг – СТО "Драйв" – центр, где ремонт авто выполняется на европейском уровне* (<http://sto-drive.ru/avtoremont>) (гнездо эквивалентности аббревиатуры *авторемонт*). Такая нейтрализация подтверждается и некоторыми словарями. Например, в Словаре Т.Ф. Ефремовой: разг. «Транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания, предназначенное для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам; автомобиль» (<http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>).

Нами отмечены 10 токенов леммы *авто*, представленные в виде самостоятельной и припредложной форм: *авто* (*автоаренда – аренда авто*); *в авто* (*автокресло – кресло в авто*); *для авто* (*автоаптечка – аптечка для авто*); *из авто* (*автокража – кража из авто*); *к авто* (*автопримочки – примочки к авто*); *на авто* (*автоаккумулятор – аккумулятор на авто*); *об*

авто (*автоновости – новости об авто*); **про авто** (*автожурнал – журнал про авто*).

Отмечается два использования данного ДС в модификативных конструкциях: **для покраски авто** (*автокамера – камера для покраски авто*) и **по эксплуатации авто** (*авторуководство – руководство по эксплуатации авто*).

4. **Автомашина**. Данный ДС, который в толковых словарях трактуется как абсолютный синоним слову *автомобиль*. Вероятно, данная лексема возникла как эквивалент словосочетанию *автомобильная машина*, но сейчас она такого эквивалента не имеет, что позволяет предположить для неё делексикализацию абброконструкта (переход его в разряд абброаффиксоидов). В этом случае мы не можем считать слово *автомашина* аббревиатурой – это синхронная квазиаббревиатура. Отметим, что этот ДС очень редко обеспечивает для эквивалентов баланс индексов ниже 500, что позволяет нам утверждать его архаичный статус. Нами отмечаются следующие токены данной леммы.

Токены **родительного падежа**. Самостоятельный родительный: **автомашин** (*автоаренда – аренда автомашин*); **автомашинны** (*автовладелец – владелец автомашинны*). Родительный припредложный: **для автомашин** (*автобензин – бензин для автомашин*); **для автомашинны** (*автомодвигатель – двигатель для автомашинны*); **из автомашин** (*автокража – кража из автомашин*); **из автомашинны** (*автокража – кража из автомашинны*).

Токен винительного падежа употребляется только в припредложной конструкции **на автомашину** (*автокредит – кредит на автомашину*).

Отмечается три ситуации использования слова *автомашина* в модификативных ДС: **патрульной автомашинны** (*автоэкипаж – экипаж патрульной автомашинны*); **по эксплуатации автомашин** (*авторуководство – руководство по эксплуатации автомашин*); **по эксплуатации автомашинны** (*авторуководство – руководство по эксплуатации автомашинны*).

2.2.3. Модификативные релятивные дешифровальные стимулы

Простые леммы

5. **Автомобилестроение**. Данный ДС обозначает «отрасль машиностроения, производящая автомобили». Отмечается только один раз в токене родительного самостоятельного единственного числа *автомобилестроения* в эквивалентной паре *автопродукция – продукция автомобилестроения*.

6. **Автомобилист**. Данный ДС, обозначающий того, кто занимается автомобилизмом, то есть автомобильным спортом, в наших примерах

уточняет значение и используется для обозначения тех, кто связан с автоделом, собственно водителей автомашин.

Для данного ДС обнаружены токены в форме родительного падежа. Самостоятельный родительный: **автомобилиста** (*автокомплект – комплект автомобилиста*); **автомобилистов** (*автосоревнования – соревнования автомобилистов*). Родительный припредложный: **для автомобилиста** (*автопутеводитель – путеводитель для автомобилиста*); **для автомобилистов** (*автосайт – сайт для автомобилистов*).

7. **Автобус**. Лемма **автобус** обозначает «многоместный автомобиль для перевозки пассажиров». В качестве ДС выступает крайне редко (обнаружено 4 употребления в параллельных текстах): **автобус** (*автоэкспресс – автобус-экспресс*); **для автобуса** (*автокомплект – комплект для автобуса*); **для автобусов** (*автоучасток – участок для автобусов*).

8. **Автомоделист**. Данный ДС обозначает того, кто увлекается автомоделлизмом, то есть конструированием и постройкой моделей автомобилей. Отмечается только один раз в токене родительного самостоятельного множественного числа **автомоделистов** (*автокружок – кружок автомоделистов*): *На станции, помимо авиа- и автокружков, обучали строению судов и ракет, радиотехнике и искусству фотографии – Перенимал мастерство начинающий моделлист у своего отца – Алексея Георгиевича, чемпиона Европы, члена сборной СССР по автомобильному спорту, руководителя кружка автомоделистов на станции юных техников в городе Талдыкорган в Казахстане (<https://xn--24-dlcte5bh4g.xn--plai/obshhestvo/35379-v-kollekcii-aviamodelista-iz-krymska-alekseja-garkushina-unikalnye-modeli-samoletov>).*

Аббревиатурные леммы

9. **Автоаккумулятор**. Данная лемма имеет значение «прибор, заряженный электричеством и служащий источником электрического тока, которым обеспечивается работа оборудования автомобиля», например Слово **автоаккумулятор** является аббревиатурой. В качестве сублеммы выступает его эквивалент **автомобильный аккумулятор**. При этом в нашей картотеке отмечается только использование токена сублеммы в форме родительного самостоятельного: **для автомобильного аккумулятора** (*автовольтметр – вольтметр для автомобильного аккумулятора*).

10. **Автоаксессуары**. Обнаруживается в ССС, обозначающих учреждения, связанные с производством и продажей автомобилей и автоаксессуаров, например, **автомагазин** – *магазин автоаксессуаров: Автомагазин предлагает широкий выбор автоаксессуаров, которые придадут уникальность Вашему авто и обеспечит новый уровень комфорт – Подлокотники, автокосметика, дефлекторы, багажные системы, локеры, защита двигателя, охранные системы - это только малая часть того, что*

может предложить наш онлайн магазин **автоаксессуаров** (<https://www.avtobrat.ua/>).

Слово *автоаксессуары* является аббревиатурой. В качестве сублемм выступают его эквиваленты: *автомобильные аксессуары; аксессуары для автомобилей; аксессуары для автомобиля.*

Отмечаются токены в форме родительного самостоятельного указанной леммы и ее сублемм: *автоаксессуаров (автомагазин – магазин автоаксессуаров); автомобильных аксессуаров (автопродажа – продажа автомобильных аксессуаров); аксессуаров для автомобилей (автокаталог – каталог аксессуаров для автомобилей); аксессуаров для автомобиля (автомагазин – магазин аксессуаров для автомобиля).*

11. **Автовладелец.** Данная лемма имеет значение «собственник транспортного средства». Отмечается только один раз в токене родительного самостоятельного падежа *автовладельцев (автокооператив – кооператив автовладельцев).*

12. **Автовождение.** Редко употребляющийся ДС, связанный только со словами, обозначающими учебные заведения: школы, курсы и т.д., а также тех, кто осуществляет подготовку в этих учебных заведениях, например, **автокурсы – курсы автовождения.**

Отмечаются токены родительного самостоятельного *автовождения (автокурсы – курсы автовождения)* и дательного припредложного *по автовождению (автоинструктор – инструктор по автовождению).*

Слово *автовождение* является аббревиатурой. В качестве сублемм выступают его эквиваленты: *вождение авто; вождение автомобилей; вождение автомобиля; вождение автотехники.*

Для сублеммы *вождение авто* обнаружены токены как самостоятельного – *вождения авто (автокурсы – курсы вождения авто)*, так и припредложного типа: *по вождению авто (автоинструктор – инструктор по вождению авто).*

Для сублеммы *вождение автомобиля* обнаружены токены родительного самостоятельного – *вождения автомобиля (автокурсы – курсы вождения автомобиля)* и дательного припредложного – *по вождению автомобиля (автоинструктор – инструктор по вождению автомобиля).*

Для сублеммы *вождение автотехники*, употребляющейся крайне редко, отмечается только токен в форме родительного самостоятельного: *вождения автотехники (автокурсы – курсы вождения автотехники).*

13. **Автодетали.** Обнаруживается в ССС, обозначающих учреждения, связанные с производством и продажей автомобилей, автодеталей и автоаксессуаров, например *автомагазин – магазин автодеталей: Afex Skuba Group открыла новый автомагазин в Риге – 17 октября в Риге, на улице Браслас, 22, компания Afex Skuba Group совместно с фирмой Lorry Serviss*

открыла новый магазин автодеталей для грузового транспорта (<http://www.transportweekly.com/pages/ru/news/articles/36627/>).

Слово *автодетали* является ССС. В качестве сублемм выступают его эквиваленты: *автомобильные детали; детали автомобилей; детали автомобиля; детали в авто; детали в автомобиль; детали в автомобили; детали для авто; детали для автомобилей; детали для автомобиля; детали на авто; детали на автомобили; детали на автомобиль.*

Отмечаются токены в форме родительного самостоятельного указанной леммы и ее сублемм: *автодеталей (автомагазин – магазин автодеталей); автомобильных деталей (автомагазин – магазин автомобильных деталей); деталей автомобилей (автокаталог – каталог деталей автомобилей); деталей автомобиля (автокаталог – каталог деталей автомобиля); деталей для автомобилей (автомагазин – магазин деталей для автомобилей); деталей для автомобиля (автокаталог – каталог деталей для автомобиля); деталей для авто (автомагазин – магазин деталей для авто); деталей на автомобиль (автомагазин – магазин деталей на автомобиль); деталей на авто (автомагазин – магазин деталей на авто).*

14. **Автодорога.** Лемма со значением «путь сообщения для движения автосредств», например *автоатлас – атлас автодорог: Расстояния между крупными городами даются в специальных таблицах автоатласа или любого справочника – Инструментарий очень прост: необходим атлас автодорог* или *обычная, желательна крупномасштабная географическая карта* (<https://avto-femida.ru/driver/useful/rasschitat-kilometrazh.html>). Слово **автодорога** является аббревиатурой. В качестве сублеммы выступает его эквивалент *автомобильная дорога*. Отмечаются токены в форме родительного самостоятельного указанной леммы и её сублеммы: *автодорог (автоатлас – атлас автодорог); автодороги (автоучасток – участок автодороги); автомобильной дороги (автоучасток – участок автомобильной дороги); автомобильных дорог (авторазвязка – развязка автомобильных дорог).*

15. **Автозапчасти.** Обнаруживается в ССС, обозначающих учреждения, связанные с производством и продажей автомобилей и автоаксессуаров, например *автомагазин – магазин автозапчастей: Профессиональные продавцы – консультанты автомагазина «Автоград» всегда помогут разобраться в выборе запчастей – Магазин Автозапчастей Автоград является логичным продолжением профессионального комплекса «Автоград»* (http://belokuriha-online.ru/news/novyj_avtomagazin/2013-02-04-1698).

Слово **автозапчасти** является аббревиатурой. В качестве сублемм выступают его эквиваленты: *автомобильные запасные части; автомобильные запчасти; запасные части автомобиля; запасные части для автомобилей; запасные части для автомобиля; запасные части к*

автомобилям; запчасти автомобилей; запчасти для авто; запчасти для автомобилей; запчасти для автомобиля; запчасти к автомобилям; запчасти на авто; запчасти на автомобиле; запчасти на автомобиль.

Отмечаются токены в форме родительного самостоятельного указанной леммы и ее сублемм: *автозапчастей* (*автопродажа – продажа автозапчастей*); *автомобильных запасных частей* (*автомагазин – магазин автомобильных запасных частей*); *автомобильных запчастей* (*авткаталог – каталог автомобильных запчастей*); *запасных частей автомобиля* (*автопродажа – продажа запасных частей автомобиля*); *запасных частей для автомобилей* (*автопродажа – продажа запасных частей для автомобилей*); *запасных частей для автомобиля* (*авткаталог – каталог запасных частей для автомобиля*); *запасных частей к автомобилям* (*автопродажа – продажа запасных частей к автомобилям*); *запчастей автомобилей* (*автокаталог – каталог запчастей автомобилей*); *запчастей для авто* (*автокаталог – каталог запчастей для авто*); *запчастей для автомобилей* (*автомагазин – магазин запчастей для автомобилей*); *запчастей для автомобиля* (*автопродажа – продажа запчастей для автомобиля*); *запчастей к автомобилям* (*автокаталог – каталог запчастей к автомобилям*); *запчастей на авто* (*автопродажа – продажа запчастей на авто*); *запчастей на автомобиле* (*автомагазин – магазин запчастей на автомобиле*); *запчастей на автомобиль* (*автокаталог – каталог запчастей на автомобиль*).

16. **Автоиндустрия.** ДС отмечается только в наименованиях, обозначающих мероприятия, например *автовыставка – выставка автоиндустрии*. Слово *автоиндустрия* является аббревиатурой. В качестве сублеммы выступает его эквивалент *автомобильная индустрия*. Отмечаются токены в форме родительного самостоятельного указанной леммы и ее сублемм: *автоиндустрии* (*автовыставка – автоиндустрии*); *автомобильной индустрии* (*автовыставка – автомобильной индустрии*).

17. **Автолюбитель.** Лемма *автолюбитель* выступает в двух сублеммах: *автолюбитель* и *любитель автомобилей*. Нами отмечаются следующие токены данной леммы: токены **родительного самостоятельного падежа**: в единственном числе – *автолюбителя* (*автоазбука – азбука автолюбителя*); во множественном числе – *автолюбителей* (*автоакция – акция автолюбителей*); – токены **родительного припредложного падежа**: во множественном числе – *для автолюбителей* (*автокурсы – курсы для автолюбителей*); *для любителей автомобилей* (*автоклуб – клуб для любителей автомобилей*).

18. **Автообслуживание.** ДС имеет значение «Выполнение работ по эксплуатации *автомобилей*». Нами обнаружены только случаи использования сублемм данной леммы – *обслуживание авто*, *обслуживание автомобилей*. Указанные сублеммы используются в форме дательного падежа, например *по обслуживанию автомобилей* (*автомастер – мастер по*

обслуживанию автомобилей), и в форме с неизменяемым существительным, эквивалентной форме дательного падежа, например *по обслуживанию авто (авторуководство – руководство по обслуживанию авто)*.

19. **Автопродажа.** Так же, как и в предыдущем случае, данная лемма, обозначающая «торговля автотранспортными средствами и деталями к ним», реализует только токены сублемм – *продажа авто; продажа автодеталей; продажа автомобилей, продажа автотоваров*. Указанные сублеммы используются в форме дательного падежа: *по продаже авто (автоэксперт – эксперт по продаже авто); по продажам автомобилей (автоэксперт – эксперт по продажам автомобилей); по продаже автомобилей (авторынок – рынок по продаже автомобилей); по продаже автотоваров (автомагазин – магазин по продаже автотоваров)*.

20. **Автопроизводитель.** ДС отмечается только в ССС, обозначающих некоторые объединения, связанные с производством и продажей автомобилей и автоаксессуаров. Отмечается только в токене родительного самостоятельного, например *автоальянс – альянс автопроизводителей*.

21. **Автопроизводство.** Лемма *автопроизводство*, имеющая значение «изготовление автомобилей», реализует только токен дательного припредложного сублеммы *производство автомобилей* и отмечается только в паре *автозавод – завод по производству автомобилей*.

22. **Автопромышленность.** Данная лемма, имеющая значение «отрасль промышленности, осуществляющая производство и сбыт автотранспортных средств», реализуется только в гнезде эквивалентности *автопродукция – продукция автомобильной промышленности – продукция автопромышленности*.

Слово *автопромышленность* является аббревиатурой. В качестве сублеммы выступает его эквивалент *автомобильная промышленность*. Отмечаются только токены родительного самостоятельного: *автомобильной промышленности (автопродукция – продукция автомобильной промышленности); автопромышленности (автопродукция – продукция автопромышленности)*.

23. **Автопутешественник.** Данная лемма, обозначающая человека, совершающего путешествия на автомобилях, отмечается только в токене родительного припредложного *для автопутешественников*, например в паре *автопутеводитель – путеводитель для*.

24. **Авторемонт.** Лемма *авторемонт* имеет значение «устранение неполадок в автосредстве» и представлена также сублеммами *ремонт авто; ремонт автомашин; ремонт автомобилей; ремонт автомобиля; ремонт автотранспортных средств*. Для леммы и сублемм используются токены родительного самостоятельного: *авторемонта (автомастерская – мастерская авторемонта)*. родительного припредложного: *для ремонта автомобилей (автобокс – бокс для ремонта автомобилей); для ремонта автомобиля (автоинструмент – инструмент для ремонта автомобиля); для*

ремонта авто (автоинструмент – инструмент для ремонта автомобиля); для ремонта автомашин (автоинструмент – инструмент для ремонта автомашин) и дательного припредложного: по авторемонту (автомастер – мастер по авторемонту); по ремонту авто (автомастер – мастер по ремонту авто); по ремонту автомашин (автомастер – мастер по ремонту автомашин); по ремонту автомашины (авторуководство – руководство по ремонту автомашины); по ремонту автомобилей (автомеханик – механик по ремонту автомобилей); по ремонту автомобиля (авторуководство – руководство по ремонту автомобиля); по ремонту автотранспортных средств (автослесарь – слесарь по ремонту автотранспортных средств).

25. **Автоспорт.** Данная лемма, представленная также сублеммой *автомобильный спорт*, обозначает «категория технических видов спорта, в которых соревнуются в скорости прохождения трассы или в фигурном вождении автомобилей». Для данной леммы отмечается сублемма *автомобильный спорт*. Обнаружены следующие токены дательного припредложного: по автомобильному спорту (автосоревнования – соревнования по автомобильному спорту); по автоспорту (автосостязания – состязания по автоспорту); - предложного: в автомобильном спорте (автосоревнования – соревнования в автомобильном спорте); в автоспорте (автосостязания – состязания в автоспорте).

26. **Автосервис.** Лемма *автосервис*, обозначающая «услуги, предлагаемые организациями своим клиентам по обслуживанию, ремонту и наладке автотранспортных средств», отмечается только в токене родительного самостоятельного *автосервиса* (*автоцентр – центр автосервиса*).

27. **Автосредство.** ССС, имеющее значение «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или установленного на нём оборудования». Данным словом обозначаются не только автомобили, но и трактора, автобусы и т.д. *Автосредство* является синхронной аббревиатурой, поэтому в качестве ДС выступает не только данная лексема, но и ее эквивалент *автотранспортное средство*, который выступают в качестве сублеммы. Для сублеммы *автотранспортное средство* отмечаются токены в форме самостоятельного родительного падежа *автотранспортного средства* (*автоводитель – водитель автотранспортного средства*); *автотранспортных средств* (*автолизинг – лизинг автотранспортных средств*) и припредложного родительного для *автотранспортных средств* (*автогараж – гараж для автотранспортных средств*). Для аббревиатурного ДС обнаружены токены в форме самостоятельного родительного падежа *автосредств* (*автодвижение – движение автосредств*); *автосредства* (*автовождение – вождение автосредства*).

28. **Автотехника.** ДС со значением «совокупность автомобильных технических средств» является аббревиатурой, имеющей сублемму

автомобильная техника. Отмечается в токене родительного падежа единственного числа: *автотехника: автомобильной техники (автомузей – музей автомобильной техники); автотехники (автовыставка – выставка автотехники).*

29. **Автотовары.** Лемма автотовары «автомобили, комплектующие и аксессуары к ним как предмет торговли» представлена также сублеммами *автомобильные товары; товары для автомобилей; товары для авто; товары для автолюбителей; товары для автомобилистов.* Обнаружены токены родительного самостоятельного: *автомобильных товаров (автокаталог – каталог автомобильных товаров); автотоваров (автомагазин – магазин автотоваров); товаров для авто (автопродажа – продажа товаров для авто); товаров для автомобилей (автокаталог – каталог товаров для автомобилей); товаров для автомобиля (автомагазин – магазин товаров для автомобиля); товаров для автолюбителей (автомагазин – магазин товаров для автолюбителей); товаров для автомобилистов (автокаталог – каталог товаров для автомобилистов).*

30. **Автотранспорт.** Аббревиатура словосочетания **автомобильный транспорт.** Употребляется только в форме родительного падежа единственного числа. Значение этого ДС трактуется по-разному. В словаре Т.Ф. Ефремовой даётся два значения этого слова: «1. Автомобильный транспорт как отрасль народного хозяйства. 2. Совокупность автомобилей» (https://www.efremova.info/word/avtotransport.html#.WapmD_NJZdg). Первое значение в рассмотренных нами аббревиатурах не встречается (оно реализуется в какой-то мере в производном адъективе **автотранспортный**). Второе же значение несколько расширяется в наших примерах и связывает ДС не только с автомобилями, но и с другими средствами передвижения, что, впрочем, подтверждается другими словарями. Например, в «Словаре-справочнике терминов нормативно-технической документации» даётся такое толкование данной лексемы: «**автотранспорт:** Транспорт, включающий легковые, грузовые и многоцелевые автомобили, автобусы и троллейбусы» (http://normative_reference_dictionary.academic.ru/2182/автотранспорт).

«Толковый словарь русских существительных» ещё больше расширяет значение слова: «Совокупность транспортных средств для передвижения по земле безрельсовым способом, самодвижущихся, с двигателем внутреннего сгорания, на колесном ходу» (http://noun_ru.academic.ru/99/автотранспорт), что позволяет включить в состав автотранспорта такие средства передвижения, как мотоциклы, мотороллеры и т.д., и это тоже находит отражение в словарях.

Помимо леммы **автотранспорт** при образовании эквивалентных пар используется сублемма **автомобильный транспорт.** Нами обнаружены следующие токены для данных леммы и сублеммы: **родительный самостоятельный:** *автомобильного транспорта (автоаренда – аренда*

автомобильного транспорта); *автотранспорта* (*автовождение – вождение автотранспорта*); **родительный припредложный**: для автомобильного транспорта (*автогорючее – горючее для автомобильного транспорта*); для автотранспорта (*автовесы – весы для автотранспорта*).

Лемма *автотранспорта* используется также в дескриптивной лемме *эксплуатация автотранспорта* в токене дательного припредложного: *по эксплуатации автотранспорта* (*автомеханик – механик по эксплуатации автотранспорта*).

31. **Автотурист**. Как и лемма *автопутешественник* отмечается только в токене родительного припредложного: для *автотуристов* (*автокемпинг – кемпинг для автотуристов*).

32. **Автотюнинг**. Данная лемма, имеющая значение «доработка автомобиля за пределами завода-изготовителя с целью придания ему индивидуальных черт» отмечается вместе со своей сублеммой *тюнинг автомобиля* только в одном гнезде эквивалентности – *автоаксессуары*, в котором представлена токенами родительного припредложного: для *автотюнинга* (*автоаксессуары – аксессуары для автотюнинга*); для *тюнинга автомобилей* (*автоаксессуары – аксессуары для тюнинга автомобилей*); для *тюнинга автомобиля* (*автоаксессуары – аксессуары для тюнинга автомобиля*).

33. **Автошина**. Данная лемма и её сублемма *автомобильная шина* отмечаются только в токенах родительного припредложного в гнезде эквивалентности *автонасос*: для *автомобильных шин* (*автонасос – насос для автомобильных шин*); для *автошин* (*автонасос – насос для автошин*); для *автошины* (*автонасос – насос для автошины*). Например: *Для изготовления такого прибора может быть использован электрический **автонасос** – Можно взять компрессор для аэрографии от старого холодильника или **насос для автошин*** (<http://generatorvolt.ru/ehlektrogenerator/kupit-kompressor-dlya-aehtrografa-ili-sdelat-samomu.html>).

2.2.4. Модификативные презентативные дешифровальные стимулы

34. **Автобусный**. Слово *автобусный* «относящийся к автобусам, связанный с автобусами» в качестве дешифровального выступает крайне редко. Самыми убедительными примерами являются, например, *автовокзал – автобусный вокзал*. Отмечаются токенные парадигмы мужского рода: *автобусный* (*автопавильон – автобусный павильон*), и женского рода: *автобусная* (*автостанция – автобусная станция*).

35. **Автодорожный**. Значение данного прилагательного обычно трактуется как «свойственный автодороге, характерный для неё» (<https://www.efremova.info/letter/+a.html?page=21>). Однако в нашей картотеке такие значения практически не отмечаются. См., например, *автодорожный инспектор*, *автодорожная авария* и т.д. Скорее всего, данное значение должно трактоваться как «связанный с автодорогой, происходящий на автодороге». ДС, в связи с этим, позволяет номинировать словами с

аббревиатурой **авто** не только референты, связанные с автомобилями, но и всех участников дорожного движения, в том числе и пешеходов, водителей и т.д., например, для пары **автоавария** – **автодорожная авария**.

Обнаружены токенные парадигмы: муж. р.: *автодорожный* (*автоатлас* – *автодорожный атлас*); жен. р.: *автодорожная* (*автоинспекция* – *автодорожная инспекция*); ср. р.: *автодорожное* (*автопроисшествие* – *автодорожное происшествие*).

36. **Автомобилестроительный**. Используется в значении «связанный с автомобилестроением». Отмечается в двух токенных парадигмах: муж. р.: *автомобилестроительный* (*автогигант* – *автомобилестроительный гигант*); жен. р.: *автомобилестроительная* (*автокомпания* – *автомобилестроительная компания*).

37. **Автомодельный**. «Относящийся к *автомоделям*, связанный с ними». Отмечается только в токенной парадигме муж. р. в одном гнезде эквивалентности: *автомодельный* (*автокружок* – *автомодельный кружок*).

38. **Автоспортивный**. «Относящийся к *автоспорту*, связанный с ним». Отмечается только в токенной парадигме муж. р. в одном гнезде эквивалентности: *автоспортивный* (*автоклуб* – *автоспортивный клуб*).

39. **Автотехнический**. Данный ДС имеет значение «относящийся к *автотехнике*, связанный с ней/ Отмечаются все родовые парадигмы токенов: *автотехнический* (*автобатальон* – *автотехнический батальон*); *автотехническая* (*авторота* – *автотехническая рота*), *автотехническое* (*автоподразделение* – *автотехническое подразделение*).

40. **Автотовароведческий**. «Связанный с оценкой стоимости автомобиля». Отмечается только в одном гнезде эквивалентности в токенной парадигме жен. р.: *автотовароведческая* (*автоэкспертиза* – *автотовароведческая экспертиза*).

41. **Автотранспортный**. Использование в качестве ДС данного прилагательного, имеющего значение «связанный с автомобильным транспортом» (<https://www.efremova.info/letter/+a.html?page=27>), позволяет расширить значение аббревиатур с компонентом **авто** и обозначать при помощи этих ССС не только автомобили, но и другие автотранспортные средства, например, грузовые автомобили, прицепы, автобусы и троллейбусы, мотоциклы и т.д., например, *автобат* – *автотранспортный батальон*.

Таким образом реестр дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авто» включает 41 лемму: 1 презентативную, 3 релятивные и 37 модификативных. В дальнейших работах предполагается дать описание ономаσιологических характеристик дешифровальных стимулов рассматриваемой группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложнокращенного слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка). – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 37–41.
2. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложнокращенного слова / А.И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98–107.
3. Бровец, А.И. Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки / А.И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире. В 2-х т. - Том 1. - Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 244–251.
4. Рязанова В.А. Сопоставительный анализ гнезд эквивалентности мутантных групп «нефте» и «газо» / В.А. Рязанова // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 544–548.
5. Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка / В.А. Рязанова // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 108–116.
6. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13-24.
7. Теркулов В.И. Типология формальных эквивалентностных аббревиатурных трактовок сложнокращённого слова / В.И. Теркулов // Сталинградская гвоздика: Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Вып. 3. Волгоград : Фортесс, 2018. – С. 82-91.
8. Теркулов В.И. Сложнокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112.
9. Sokr.ru: электронный словарь. – Режим доступа: <http://sokr.ru/>.

E.Yu. Alamayrekh

REGISTER OF DECRYPTION STIMULES ABBREVIATION GROUP "AUTO"

The work is devoted to the description of the system of deciphering stimuli of the abbreviation group "auto" in Russian. The author defines the concept of "decoding stimulus", establishes a system of semantic types of decoding stimuli,

presents the decoding stimuli of the abbreviation group "auto" in the form of a register.

Key words: deciphering stimulus, abbreviation group, compound abbreviated appellative, equivalence.

УДК 81'367.6=161.1

Т.С. Винникова-Закутняя
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен обзор становления общепринятых принципов классификации частей речи в русском языке, на фоне которого рассмотрен проблемный вопрос влияния переходных явлений и языковой интуиции на определение частеречной принадлежности слов.

Ключевые слова: принципы классификации частей речи, транспозиция частей речи, явления переходности, языковая интуиция, психологический подход.

Вопрос распределения слов между классами частей речи является достаточно проблемным. С одной стороны, мы знакомы с общепринятой действующей классификацией, основанной на семантическом, морфологическом и синтаксическом принципах, с другой стороны, не можем не согласиться с Шарлем Балли, который отмечает, что «замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, и выражение обогащается и получает различные оттенки» [2, с. 49].

Цель нашего исследования заключается в рассмотрении вопроса, связанного с выделением принципов классификации частей речи в русском языке и относящегося к числу вечных проблем грамматики. Общепризнанной является практическая ценность понятия *части речи* для классификации лексем, изучения членов предложения, но при этом в работах лингвистов подчеркивается отсутствие возможности однозначного распределения всех имеющихся в языке слов между частями речи, что обуславливает актуальность нашей работы.

Обратимся к истории становления принципов классификации частей речи в русском языке.

Являясь сторонником семантического направления, А.А. Потемня при классификации частей речи на первый план выводит лексическое значение

слова. В современной лингвистике семантический критерий также находит свое отражение. М.В. Панова делает акцент на значении суффиксов и окончаний: *трус* (предметность) – *трусить* (действие) – *трусливый* (признак). В таком же ключе рассмотрены имена числительные: количественные и собирательные – как существительные, порядковые – как прилагательные, слова типа *дважды*, *трижды* – как наречия; деепричастие выделено как самостоятельная часть речи, обозначающая процессуальный признак предмета, а причастие определено как форма глагола, поскольку подобно глаголу выражает процессуальность признака. Недостатком семантического критерия является то, что при таком подходе нет места служебным и модальным словам, междометиям.

Ф.Ф. Фортунатов использовал морфологический (формально-грамматический) принцип классификации частей речи. Ученый выделял формальные классы слов по наличию и характеру форм. В результате спрягаемые, склоняемые и неизменяемые слова были отнесены к полным формам и причислялись к частям речи, а частицы, предлоги, союзы и связки были признаны бесформенными словами. Недостатком морфологического принципа является то, что при распределении слов не берется во внимание значение с учетом особенностей изменения, в результате чего слова с одинаковым значением оказываются в разных рубриках. Например, формы прошедшего времени оторваны от личных спрягаемых форм как слова родовые.

А.А. Шахматов, классифицируя части речи, опирается на синтаксический принцип, в основе которого лежит «возможность – невозможность» функционирования словоформы в качестве члена предложения. Такой подход позволяет выделять самостоятельные и служебные части речи, но при этом имеет свой недостаток: поскольку классификация возможна только на основе синтаксических функций словоформ, в разных рубриках окажутся спрягаемые формы глагола, инфинитив, причастие, деепричастие, роль которых в предложении различна.

Классификация, общепринятая на современном этапе, является следствием компромисса между семантическим, морфологическим и синтаксическим принципами.

Л.В. Щерба, являясь приверженцем лексико-грамматического направления, предложил классифицировать части речи с учетом всех вышеперечисленных принципов. Идея была поддержана В.В. Виноградовым: «В живом русском языке нет идеальной системы с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям» [3, с. 43].

Так сложилась система частей речи, общепринятая на современном этапе в рамках как школьной, так и вузовской грамматики.

Однако специфику перераспределения лексических единиц между частями речи невозможно ограничить семантическим, морфологическим и синтаксическим принципами, поскольку в потоке речи некоторые слова получают непривычную частеречную принадлежность в результате *транспозиции*. Наиболее полно данный термин представлен в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина:

«Транспозиция...

лингв. Переход слова из одной части речи в другую (в неизменном виде или с добавлением аффиксов) или использование одной языковой формы в функции другой.

Виды транспозиции: адвербиализация, адъективация, субстантивация и некоторые др.

Примеры транспозиции:

столовая (прил.) посуда – обедать в *столовой* (сущ.)...» [4, с. 708 – 709].

Меньшие по объему словари («Словарь русского языка» С.И. Ожегова, МАС и др.), как правило, не содержат термина *транспозиция*.

Теоретическому исследованию транспозиционных процессов в русском языке предшествовали наблюдения за явлениями переходности. Морфологические свойства частей речи в их взаимодействии впервые были описаны М.В. Ломоносовым. Н.И. Греч рассматривал субстантивацию прилагательных, но без использования самого термина. А.Х. Востоков одним из первых использовал термин *части речи*.

В период до 30-х гг. XX в. выявление переходных явлений находит отражение в исследованиях А.А. Потемни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, в период 40-50-х гг. XX в. – в трудах Л.В. Щербы, А.С. Беднякова, В.В. Виноградова, в середине XX в. – в научных изысканиях М.Ф. Лукина, В.Н. Мигирова, В.В. Шигурова и др., во второй половине XX в. – в трудах Л.В. Бортэ, В.И. Кодухова, В.В. Бабайцевой, Р.М. Гайсиной и др. На современном этапе И.В. Высоцкая, Е.Н. Ремчукова, Т.К. Бардина, В.Н. Алиева, Н.А. Лыкова и др. продолжают вести научную работу в данном направлении.

В исследовании Н.А. Лыковой формально-семантическое изменение слова определено как *преобразование*, свершившееся в результате асимметричного расщепления. Например, в словосочетании *поздней осенью* существительное *осенью* в творительном падеже имеет значение времени и некоторой предметности, но при асимметричном расщеплении творительного падежа вышеуказанного существительного с учетом определенных синтаксических условий оно может переходить в разряд наречий. Приведенный пример иллюстрирует результат процесса транспозиции в сочетании с аффиксацией. Речь идет о синтетичности типологического строения русского слова, имеющего богатейшие возможности для «видоизменения и превращения», к числу которых относится и транспозиция.

Т.К. Бардина в работе «Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке» пишет о том, что части речи довольно часто пребывают в процессе активного взаимодействия, но в терминологическом содержании данное явление не находит отражения, вследствие чего мы отождествляем его с лексико-грамматической переходностью. Взаимодействие предусматривает категоризацию одного и того же объекта в различных аспектах, а лексико-грамматическая переходность указывает на возможность совмещения в одном знаке разных объектов. Исходя из этого, мы можем говорить о взаимодействии как о процессе постоянных системно-языковых связей между разрядами частей речи, а также о переходности, итогом которой являются новые лексические и грамматические качества языковых единиц.

Ценными являются замечания А.Я. Баудера о том, что общепринятая схема определения частеречной принадлежности слова не является совершенной, так как части речи имеют многоаспектный характер (разноуровневые и межуровневые пересечения).

Тем не менее схема определения частеречной принадлежности слов базируется на семантическом, формально-грамматическом и синтаксическом принципах. Суть такого алгоритма на первый взгляд поверхностна, так как сведена к шаблонной работе. Но в то же время такой бессознательный процесс «шлифует» *языковую интуицию*, роль которой безгранична в определении переходных явлений.

В словаре О.С. Ахмановой представлено следующее толкование: «Чутье языковое – интуитивная реакция на данную форму высказывания и т.п. со стороны лица, для которого данный язык является родным, как критерий правильности речи» [1, с. 519]. Т.В. Матвеева говорит о языковом чутье в рамках раскрытия понятия *языковой вкус*. Отсутствие в лингвистических словарях исчерпывающих сведений о языковой интуиции (языковом чутье) говорит о малоизученности данного понятия, а между тем его немаловажную роль подчеркивали Ф. де Соссюр, В. фон Гумбольдт, Л.В. Щерба и др.

Вильгельм фон Гумбольдт считал очевидным приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма и утверждал, что язык – это вечно порождающий себя организм, создание которого обусловлено внутренней природой человека. Ученый привнес в лингвистику деятельностно-речевой динамизм, который позволяет упорядочивать языковые явления не по субъективной прихоти исследователя, а в соответствии с их объективной представленностью в актах построения новых слов и предложений, что находит связь с транспозиционными процессами. Разработанный Гумбольдтом этноцентрический психологический подход стал основой когнитивного принципа в грамматике. А когнитивный метод применяют при исследовании транспозиции частей речи на современном этапе.

Точку зрения Гумбольдта разделял А.А. Потебня. Как нам известно, этот ученый внес весомый вклад в изучение явлений переходности. В одной из

его работ отмечено следующее: «... невозможно считать такие грамматические категории, которыми являются глагол, существительное, прилагательное, наречие чем-то неизменным, не присущим человеческому мышлению. Наоборот, даже за недостаточно длительное время эти категории значительно меняются» [7, с. 76].

А.М. Пешковский писал: «Переходные факты в области частей речи являются следствием того, что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения, происходящих в них самих и связанных с ними ассоциативно словами, медленно и постепенно переходят из одной категории в другую. Процесс этот вечен в языке» [6, с. 153].

И.А. Бодуэн де Куртенэ постулировал язык как психическое явление, разделяя мнение большинства лингвистов второй половины XIX века. Ученый в частеречном значении увидел надязыковую, умственную природу, что позволяет сделать вывод о применении основателем Казанской лингвистической школы психологического подхода к рассмотрению категории частей речи.

«Распределение слов по частям речи не удовлетворяет и другому основному правилу деления объема понятия, а именно – тому правилу, что члены деления должны взаимно исключать друг друга. Так как в вопросе о частях речи мы имеем дело не с классификацией слов, то, может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории. Так, например, местоимение оказывается в то же время и существительным и прилагательным» [8, с. 22]. Подвижность слов в рамках границ частей речи объясняется транспозиционными процессами, своевременному выявлению которых нам помогает не только умение определять частеречную принадлежность, основанное на семантическом, формально-грамматическом и синтаксическом принципах, но и языковая интуиция. Невозможно не согласиться с А.М. Орловой, которая отмечает, что языковая интуиция способствует формированию различных навыков, в том числе грамматических, особенно в тех случаях, когда изучаемый лингвистический материал не имеет четких определений и границ [5, с. 80]. Из этого следует, что проблема определения частеречной принадлежности слова является сложной и неоднозначной, так как затрагивает не только лингвистический, но и психологический аспект.

Отражение перспективы продолжения нашего исследования находим в актуальном и на сегодняшний день изречении М.И. Стеблин-Каменского: «Высказывания по вопросу о том, на чем основано традиционное распределение слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, но очень часто неясны и противоречивы. Вероятно, было бы благоразумнее дать их подробный обзор, за которым как за дымовой завесой можно было бы при желании укрыться от необходимости самостоятельного решения вопроса и от связанной с этим ответственности» [8, с. 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Сов энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка; пер. с франц. [Текст] / Ш Балли. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1955. – 416 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1972. – 614 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст]. Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л.П. Крысин. – Москва: Рус. яз., 1998. – 846 с.; (Библиотека словарей русского языка).
5. Орлова А.М. К вопросу об объективной обусловленности так называемого «чутья языка» // Вопросы психологии / Ред. А.А. Смирнов. – №5. – Сентябрь-октябрь 1955. – С. 71-83.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст]. – 8-е изд., доп. / А.М. Пешковский.– М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1/2. – 536 с.
8. Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд. ЛГУ, 1973. – 41 с.

T.S. Vinnikova-Zakutniaia

ON THE PROBLEM OF HIGHLIGHTING THE PRINCIPLES OF CLASSIFICATION OF PARTS OF SPEECH

The article provides a review of establishment of generally accepted principles of classification of parts of speech in the Russian language, against the background of which considered is the problematic issue of transitional phenomena and language intuition on determining the affiliation of a word with a part of speech.

Key words: principles of classification of parts of speech, parts of speech transposition, phenomenon of transitivity, language intuition, psychological approach.

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС 4-ГО ПОКОЛЕНИЯ

В данной статье автор делится опытом работы, направленной на развитие общих компетенций у студентов педагогического вуза по дисциплине «Русский язык и культура речи» и реализующей федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, во внеурочной деятельности на примере серии выпусков живого журнала «Донбасс говорит по-русски».

Ключевые слова: *гражданско-патриотическая позиция, общечеловеческие ценности, универсальные компетенции.*

В образовании метапредметные результаты достигаются не только путём освоения обучающимися фундаментального уровня знаний, умений и технологий организации и управления собственной деятельностью, но и посредством формирования компетенций, позволяющих управлять своими поступками, выстраивать стратегию собственного поведения в различных обстоятельствах.

В стандартах ВПО компетенции – это цель подготовки. **“Компетенция** – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. **Компетентностный подход** – подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных ситуациях” [1, с. 23-24].

Для студентов Донецкой Народной республики, будущих педагогов, в настоящее время из всех универсальных, общих компетенций особенно актуальна компетенция ФГОС ВПО «осознавать себя гражданином страны и осознавать ответственность за свою гражданскую позицию» [1, с. 27].

Выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен “обладать способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического развития для формирования патриотизма и гражданской позиции” [5, с. 6]

Современная молодёжь во всём мире является объектом информационной войны. Можно привести достаточно примеров плясок на костях, приготовления яичницы на Вечном огне и прочих позорных явлений даже в самой России, где трудно найти семью, не потерявшую своих близких в Великой отечественной войне. В силу юношеского максимализма и прогрессирующего инфантилизма многие молодые люди не дают себе труда

серьёзно задуматься и понять, что они поступают непатриотично, преступно по отношению к своей Родине и к своим предкам.

Воспитание патриотизма, ответственной гражданской позиции, формирование языковой личности приобретают важнейшее, первостепенное значение в жизни общества, так как от него зависит будущее страны.

Безусловно, сказанное не относится ко всей молодёжи, но подобные тенденции существуют. Можно много говорить о причинах происходящего и о том, кто в этом виноват, однако сейчас важнее навёрстывать упущенное и не дать возможности развиваться этим тенденциям, заполнить образовавшиеся пустоты в целостной языковой картине мира студентов, формировать их национальное самосознание.

«Для овладения русским языком как национальным феноменом необходимо осуществлять исторический подход к его преподаванию, отражать не только синхронические, но и диахронические языковые процессы. Студенты должны осмысливать факты современного русского языка с опорой на его историю» [2, с.15].

Задача преподавателя-словесника – формировать этнокультуроведческую компетенцию не только на занятиях, но и во внеурочной работе, которая является продолжением образовательного процесса. Внеурочная деятельность может иметь общеинтеллектуальную, спортивно-оздоровительную, социальную, общекультурную и духовно-нравственную направленность. Последняя предусматривает приобщение к национальным и общечеловеческим гуманистическим ценностям и патриотическое воспитание.

Патриотическое и духовно-нравственное воспитание можно облечь в любой вид внеурочной деятельности: игровую деятельность, познавательную, досугово-развлекательную, трудовую, спортивно-оздоровительную, туристско-краеведческую, проблемно-ценностное общение, художественное и социальное творчество.

Кафедра русского языка нашего Донецкого национального университета выбрала форму живого журнала под названием «Донбасс говорит по-русски». Название журнала взято из известной песни, выполнявшей роль первого гимна Донецкой Народной Республики. Само название подчёркивает принадлежность Донбасса к Русскому миру. Мы ставили перед собой цель прояснить само понятие Русского мира, его особенности, историческую ценность движения. Ведь ещё накануне Второй мировой войны известный немецкий (не русский!) философ В. Шубарт писал, что только русские могут обновить мир: «Англичанин ждёт от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский... не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства» [6, с.193].

Живой журнал существует уже несколько лет. Как настоящий журнал, он оперативно реагирует на важные для Донбасса события. Так, в 2016

главной темой выпуска была тема войны. А основной задачей - воспитание патриотизма через слово, песню, историю родного края.

На сцене установлен большой макет живого журнала, страницы которого перелистывают ведущие. 1 страница – Слово о русском языке, посвящённая Международному Дню родного языка. Была продемонстрирована огромная древнерусская азбука-буквица и рассказана её краткая история. 2 страница – СТИХия русского слова (комментирование ведущими высказываний и стихов о русском языке). Прозвучали стихи Н. Гумилёва, С. Острового, И. Бунина, В. Шефнера и стихи донецких авторов на тему идущей войны, которые читали по очереди студенты и преподаватели. 3 страница – Русская патриотическая песня (современные военные песни и известные песни из военных кинофильмов в исполнении студентов музыкального отделения). 4 страница – Ими гордится Донбасс (живое интервью со студентами, ушедшими в ополчение, цветы, совместная фотосессия).

«Чтение» журнала было обыграно: представлены главный редактор, корреспонденты, фотокоры, художники-оформители, звукооператоры, дежурные редакторы, интервьюеры и т.д.

Атмосфера праздника первого номера, несмотря на остроту сюжета и невольные слёзы была торжественной и приподнятой. Стихи и песни были переплетены и цеплялись друг за друга словами, повторами, синонимами, аллегориями и другими филологическими премудростями. Сила и красота русского пронзительного поэтического слова в сочетании с выразительным, идущим из самой глубины души музыкальным сопровождением смогли затронуть израненные войной сердца зрителей.

Ценность такой формы внеурочной деятельности именно в силе эмоционального воздействия в сочетании с воздействием информационным.

Это был февраль 2016 года. Боевые действия немного поутихли. Очень хотелось мира, на который появилась призрачная надежда. Приближался новый праздник – Международный день русского языка и день рождения Пушкина. Второй выпуск журнала посвятили этим событиям.

1 страница – Выбор даты. 2 страница – Я выучу русский язык! 3 страница – Поэтическая. В этом выпуске была демонстрация видеозаписей интервью студентов и сотрудников о творчестве Пушкина, выступление учеников младших классов, викторины, сценки, загадки, конкурс на лучший конспект по русскому языку, и, конечно, Пушкин: инсценировка отрывка из «Евгения Онегина», «К Чаадаеву», «Зимняя дорога», «Я вас любил», «Анчар» и другие. Последнее стихотворение «Клеветникам России» вызвало овации.

В следующих выпусках журнала было решено оставить по три постоянные страницы: 1 страница учебная – Я выучу русский язык. 2 страница поэтическая – СТИХия слова. 3 страница музыкальная – Русская патриотическая песня. Страницы наполнялись разным содержанием. Звучали

авторские стихи; были обыграны стихи о правилах орфографии и пунктуации, В каждом выпуске обязательно звучит музыка: музыкальные иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Метель», русские народные песни «Ой да не вечер», «Выйду ночью в поле с конём» и другие. Один выпуск закончился зрительским хороводом под народную песню «Порушка-Пораня».

Последний выпуск журнала состоялся в ноябре 2019 года. В нём было только 2 страницы. 1 – Я выучу русский язык (посвящённая дню рождения буквы Ё). Студенты подготовили познавательную и весёлую театрализованную сказку о букве Ё. Для будущих учителей начальных классов это была практика по внеурочной работе с детьми: студенты играли в образе детей. 2 страница – СТИХия слова стала площадкой для встречи студентов с членами Союза писателей ДНР и России И. Горбань, А. Кучерявым, Т. Маховицкой.

В каждом выпуске журнала обязательно присутствует информационная составляющая в виде какого-то открытия. Это и стихи о правилах русской орфографии, и «открытие» в своём преподавателе анатомии члена союза писателей ДНР и РФ, и неизвестные страницы из биографии Пушкина, и история буквы Ё, и многое другое.

Стоит отметить, что только интересное внеурочное мероприятие, так же, как и интересное учебное занятие, имеет шансы на хороший результат, то есть достигает своей цели.

Реализация внеурочной деятельности создаёт пространство для открытого свободного образования, это среда идей, творчества, комфортная и безопасная для ее участников, это деятельность, предоставляющая право выбора, принятия решения, ориентированная на развитие и потребность – главное в саморазвитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Р.Н., Золотарева Н.М. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. Первая редакция. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2010. 52 с.

2. Гордиенко В.П. Особенности преподавания русского языка в неязыковом педагогическом вузе. Новые горизонты русистики. – Вып.7. ДонНУ. Донецк, 2019. – С. 15.

3. Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов: Утверждены министром образования и науки РФ Д.В. Ливановым 22 января 2015 г.

4. Рукавишников В.А. Актуализация образовательных стандартов четвертого поколения. Педагогические науки: вестник Казанского государственного энергетического университета, 2016, №4, с. 156-164.

5. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). Приказ Минобрнауки России от 4.12.2015 №1426.

6. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. Пер.с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея» (вып.3, 2-е исправленное издание), 2000. – С.193.

V.P. Gordienko

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN THE FRAMEWORK OF IMPLEMENTATIONFGOS 4TH GENERATION

In this article, the author shares his experience of work aimed at the development of general competencies among students of a pedagogical university in the discipline "Russian language and culture of speech", implementing federal state educational standards of higher professional education, in extracurricular activities on the example of a series of issues of the live magazine "Donbass says Russian".

Key words: civil-patriotic position, universal human values, universal competences.

УДК 808.5

М. Г. Евсеева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНОЙ РЕЧИ ПЕДАГОГА

В статье раскрыты основные аспекты культуры научной речи, необходимые современному педагогу для качественного текстового оформления результатов своей практической деятельности и теоретических изысканий при подготовке публикаций в специальных периодических изданиях и сборниках научных трудов.

Ключевые слова: устная речь, письменная речь, стиль, жанр, форма, содержание, языковая норма, научная картина мира.

Актуальность данной публикации обусловлена объективной необходимостью публичного изложения результатов практической деятельности и теоретических изысканий в устной либо письменной форме, возникающей у современных педагогов достаточно регулярно. В настоящее

время наблюдается отчётливая тенденция расширения круга возможностей для подобного рода профессиональной самопрезентации ввиду появления значительного числа специализированных Интернет-ресурсов, где педагог может опубликовать статью или выступить в режиме онлайн-трансляции. Таким образом, культура научной речи становится одной из неотъемлемых составляющих педагогического профессионализма.

В то же время, располагая значительным багажом материалов, содержательность и качество которых более чем достойно обнаружения, педагоги-практики зачастую слабо владеют научным стилем устной и письменной речи в частности и культурой научной речи в целом. Это закономерно, ведь владение стилем порождается практикой, а более или менее обширная практика написания и обнаружения научных текстов у большинства педагогов имела место в студенческие годы.

Вторая причина затруднений, возникающих у педагога-практика при необходимости пользоваться научным стилем изложения, на наш взгляд, заключается в том, что профессиональная деятельность педагога предполагает активное пользование иными речевыми стилями. Из них ближайшим к научному является научно-популярный, которым традиционно излагается учебный материал. Однако степень его научности весьма вариативна в зависимости от возраста обучающихся, изучаемой дисциплины, стиля преподавания конкретного педагога.

Официально-деловой стиль, обязательный для всех видов документации, каковой в практике педагога немало, также весьма далёк от научного. Он имеет собственную целевую направленность, семантическую детерминированность и аппарат речевых клише, свойственных только этому стилю.

И наконец, наибольшее влияние на публичную речь педагога оказывает та специфическая комбинация художественного и публицистического стилей, в русле которой выдержаны практически все труды отечественных корифеев педагогики – как классиков, так и современников. Одних названий «Педагогическая поэма», «Баллада о воспитании» и «Сквозь призму сердца», на наш взгляд, достаточно, чтобы оценить стилевую специфику данного пласта текстов. Для читающего их педагога закономерно прийти к убеждению, что, поскольку так словесно оформляют свой профессиональный опыт Макаренко, Амонашвили, Шаталов, то именно в таком стиле и следует составлять публичные тексты о своей работе педагогу, желающему быть услышанным и понятым коллегами. Это убеждение абсолютно верно, когда речь идёт о различных методических формах профессиональной самопрезентации.

Однако научные тексты имеют собственную стилевую, структурную и содержательную специфику, которой очевидным образом следует придерживаться при их написании. Рассмотрим основные нормативные параметры научного стиля. Научный стиль существует в двух формах:

- письменной (учебники, исследования, диссертации, научные работы);
- устной (сообщения, научные доклады и др.).

Для научного стиля характерны:

- употребление слов в прямом значении;
- стройность изложения мысли;
- логическая строгость;
- наличие специфических терминов;
- широкое использование сложных предложений, в частности сложноподчинённых, с четкой логической связью между компонентами [4, с. 46–47].

Образцом научного стиля являются формулировки различных теорем, химических и физических законов, определения терминов, различные справочные тексты и т.п. Сфера использования научного стиля – научная деятельность, научно-технический прогресс, образование. Основное назначение научного стиля – изложение результатов исследований о человеке, обществе, явлениях природы; обоснование гипотез; доказательства истинности теорий; классификация и систематизация знаний; разъяснения явлений, активизация интеллекта читателя для их осмысления. Основными признаками научного стиля считаются:

- ясность (понятность) и предметность толкований;
- логическая последовательность и доказательность изложения;
- обобщенность понятий и явлений;
- объективный анализ;
- точность и лаконичность высказываний;
- аргументация и убедительность утверждений;
- однозначное объяснение причинно-следственных отношений;
- подробные выводы.

Основные языковые средства научного речевого стиля, направленные на информирование, познание, влияние, характеризуются:

- большим количеством и корректным употреблением научной терминологии;
- наличием схем, таблиц, графиков, диаграмм, карт, систем математических, физических, химических и др. знаков и значков;
- оперированием абстрактными, преимущественно иноязычными словами (теорема, вакуум, синус, параграф, ценз, шлак и др.);
- использованием чисто научной фразеологии, стойких терминологических словосочетаний;
- привлечением цитат и ссылок на первоисточники;
- как правило, отсутствием авторской индивидуальной манеры и эмоциональноэкспрессивной лексики;

- наличием четкой композиционной структуры текста (последовательным разделением на разделы, части, пункты, подпункты, абзацы с применением цифровой или буквенной нумерации);
- монологическим характером текстов;
- преобладанием разнотипных сложных предложений стандартных выражений (клише) [2, с. 36].

Для научных текстов характерно размещение основной мысли в начале абзаца, затем от утверждения переходят к доказательствам, подкрепляя их примерами и анализом примеров. На фоне распространенных синтаксических построений короткие простые предложения структурно выделяются и фокусируют внимание адресата, дополнительно акцентируя важные понятия, факты или доказательства. Для логического представления информации или подведения итогов, часто содержание схематично оформляют в виде отдельных пунктов, что, в свою очередь, облегчает адресату процесс обработки полученной информации.

Культура научной речи является одним из важнейших показателей культуры исследователя. Характерной особенностью научного языка ученые считают формальнологический способ изложения материала, применение специальной терминологии, использование которой требует особой точности, наличия рассуждений, обоснования выводов и т. п. Поэтому при написании и оформлении текста научной работы следует обратить внимание на сжатость, лаконичность изложения материала; логическую последовательность, смысловую и стилистическую взаимосвязь между разделами, подразделами, отдельными абзацами; смысловую завершенность, целостность, связность мыслей; аргументацию каждого положения достаточным количеством фактического материала, акцентирование главных мыслей; правильное оформление цитат, сносок; стилистическую, орфографическую, пунктуационную грамотность.

Язык научного текста должен быть «доступным, лишенным словесных украшений» [2, с. 12]. Среди главных черт лексического уровня текста следует выделить единицы, обозначающие понятия определенной области науки, то есть термины. На морфологическом уровне в научном стиле отмечается регулярность использования определенных частей речи и их форм. Логико-семантические понятия могут передаваться различными частями речи, например: с помощью существительного и глагола (исполнение – выполнять), прилагательного и существительного (успешный – успешность), что позволяет избегать структурного однообразия: раскрытие темы – раскрывать, раскрыть тему.

Среди морфологических особенностей научной речи следует выделить следующие: употребление большого количества абстрактных и отглагольных существительных, преобладание относительных прилагательных, указательных местоимений «этот», «такой», использование аналитической

формы степеней сравнения «наиболее», «наименее», широкое употребление глаголов несовершенного вида, возвратных глаголов типа «в данной статье рассматриваются», сложных союзов подчиненности «благодаря тому, что», «если», «вместо того, чтобы», «учитывая то, что», «несмотря на то, что», «в то время, как», производных предлогов «в течение», «соответственно к», «согласно», «в результате», «в отличие от», «наряду с», «в связи с» и др. [6]

На синтаксическом уровне следует отметить соответствующее построение синтаксических конструкций, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; вводных слов, словосочетаний. Научный текст чаще других видов текста содержит сложноподчиненные предложения. Имеются также вводные слова, словосочетания: например: «действительно», «на самом деле», «разумеется», «возможно», «вероятно», «по сообщению», «по данным». Вводные слова способствуют объективности изложения, смысловой точности.

Особого внимания при рассмотрении стилевой специфики научного текста заслуживают термины, как словесные эквиваленты научных понятий. Термины – официальные, принятые и узаконенные в определенной области науки или техники обозначения, названия понятий. Специфика терминов обусловлена сферой функционирования терминологических единиц, а именно тем, что термины являются номинативными единицами языка науки и техники, а не единицами естественного языка в целом. Именно в научной сфере языка термины выполняют свои основные функции: номинативную – названия класса специальных объектов или их признаков; сигнификативную – обозначение общего понятия, которое относится к системе специальных понятий этой отрасли знания: коммуникативную – передачи во времени и пространстве специального знания и др. [5, с. 38–39].

Основными признаками, которые можно использовать в процессе выделения терминов в составе специальной лексики, являются:

- 1) специфичность использования (каждый термин относится к специальной области знаний);
- 2) функция названия понятия;
- 3) дефинированность (наличие научной дефиниции);
- 4) точность значения (которая устанавливается дефиницией);
- 5) контекстуальная устойчивость (значение термина понятно без контекста и мало зависит от контекста);
- 6) стилистическая нейтральность;
- 7) эзотеричность (точное значение термина известно только специалистам);
- 8) конвенциональность (целенаправленный характер появления);
- 9) номинативный характер (термин – это обычно существительное или словосочетание на основе существительного);
- 10) воспроизводимость в речи (которая является важной для словосочетаний).

Завершая рассмотрение темы, целесообразно остановиться на феномене научной картины мира, которая представляет собой один из аспектов языковой картины мира. Языковая картина мира – это система понятий, характерная для каждого языка, с помощью которой носители языка воспринимают (классифицируют, интерпретируют) мир. Изучение языковой картины мира – путь к познанию специфики любого языка, пониманию системы представлений отдельного народа, его самобытности и ментальности.

На всех этапах исторического развития как языка, так и самого народа языковая картина мира приобретает новые видоизменения, исследование которых помогает четче и глубже взглянуть на причины и особенности эволюции отдельного социума. Изучением языковой картины мира отдельного народа, а также проведением сравнительных исследований нескольких языков, занимаются сейчас такие науки как этнолингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика и другие. Это новое, оригинальное и перспективное направление в развитии языкознания применяет комплексный подход к изучению языка и его внутренней формы, сочетает в себе методы, присущие нескольким наукам (лингвистике, фольклористике, этнографии, психологии и т. д.), – и в результате этого мы имеем новый взгляд на традиции саморазвития народа, специфику его речи и мышления.

Науку обычно определяют как особую сферу духовной и интеллектуальной деятельности человека и человечества, целью которой является выработка достоверного знания об окружающей нас действительности. Вместе с тем, наукой называют и сам результат этой деятельности – систему более или менее достоверных знаний о данной области действительности – в виде совокупности количественных законов, общих идей и принципов, законченных теорий, а также новых рабочих гипотез [1].

С другой стороны, для науки характерно постепенное накопление ядра более устойчивых знаний, куда входят названные законы, принципы, и, главным образом, количественная сторона концептуальных теорий. Дело в том, что даже способность той или иной теории предсказывать новые явления не исключает того, что данная теория правильно отражает только количественную сторону явлений (в пределах определенной теории). Вместе с тем она может давать ложное объяснение природы явлений. Такими были, например, теория Птолемея в астрономии; теории теплоты, электричества, магнетизма, построенные на идеях особых невесомых жидкостей: теплорода и т.д. – в физике. По мере общего развития науки определяются все более четко и границы истинности или степень точности самых количественных законов. Научная картина мира возникает как «результат подсознательной экстраполяции более достоверного, однако ограниченного знания на всю действительность, на область, где полная проверка идей принципиально недостижима» [7, с. 42].

В создании научной картины мира проявляется свойство человеческого разума всегда распространять знания за рамки опыта, необходимого для жизни, за пределы их практического использования, и, исходя из малого набора фактов, дорисовывать весь видимый окружающий мир. Делается это тем более свободно, чем меньше известно опорных фактов, о чем говорит появление мифов и сказок космологического и космогонического содержания у всех народов перед тем, как у них появилась точная наука.

Таким образом, наука в стадии теории представляет собой изложение более или менее доказуемых допущений, в котором объективный дефицит доказательности компенсируется логичностью аргументов, рациональностью структуры текста и стилистической выверенностью. И зачастую именно рациональность текстовой подачи и уровень культуры научной речи позволяют вновьсозданной теории быть услышанной и принятой научным сообществом, чтобы затем качественно оформиться и обрести практическую ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А. Н. Основы культуры речи [Текст] / А. Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1990 – 247 с.
2. Введенская А. Н., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов [Текст] / А. Н. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростовна-Дону: Феникс, 2000.
3. Иваненко Г. С., Кабанова Т. Н., Мительская Ж. 3., Кохтев Н. Н. Риторика [Текст] / Г. С. Иваненко, Т. Н. Кабанова, Н. Н. Кохтев. – М., 1994.
4. Культура речи. Методические рекомендации и материалы для самостоятельной работы студентов негуманитарных факультетов [Текст]. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ «Факел», 1998.
5. Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово [Текст] / А. К. Михальская. – М., 1996.
6. Мурашов А. А. Педагогическая риторика [Текст] / А. А. Мурашов. – М.: Педагогическое общество России, 2001.
7. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений [Текст] / под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003.
8. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник [Текст] – М., 1998.
9. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения [Текст] / Н. И. Формановская. – М., 1989.
10. Федосюк М. Ю. и др. Русский язык для студентовнефилологов: Учебное пособие [Текст] / М. Ю. Федосюк. – М.: Флинта, 1997.

11. Хазагеров Г. Г., Корнилова Е. Е. Риторика для делового человека: Учебное пособие для студентов [Текст] / Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова. – М.: Флинта, 2003.

M. G. Evseeva

ON THE QUESTION OF FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE TEACHER'S SCIENTIFIC SPEECH

The article reveals the main aspects of the culture of scientific speech, which are necessary for a modern teacher for high-quality textual presentation of the results of their practical activities and theoretical research in the preparation of publications in special periodicals and collections of scientific papers.

Keywords: oral speech, written speech, style, genre, form, content, language norm, scientific picture of the world.

УДК 81' 367.332.7

Н.П. Курмакаева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

О СИСТЕМНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С КВАНТИТАТИВНО-ГЕНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ

В статье рассматриваются парадигматические связи и отношения в составе спорной группы русских предложения с общей квантитативно-гениитивной спецификой. В связи с действием принципа функциональной эквивалентности уточняются структурно-семантические различия исходных и производных единиц, выясняется характер деривационной связи между ними, определяется динамика и направления развития. Доказательства строятся на основе применения метода интроспективного анализа предложения.

Ключевые слова: квантитативно-гениитивный компонент, безличное предложение, гениитивное предложение, позиционный состав, синтаксическая деривация.

В русском синтаксисе есть целый пласт предложений, структурная организация которых давно подвергается обсуждениям, а синтаксический статус их остается не до конца проясненным с точки зрения типологической принадлежности к двусоставным или односоставным, личным или безличным построениям. Имеются в виду такие предложения, как:

(1) а) *Много слуг и казны под замками лежит* (А. Кольцов) и б) *В общем, потеряно страниц двенадцать* (С. Довлатов), а также возможных производных от них:

(2) а) *Казны под замками лежит много*; б) *Страниц потеряно больше десяти/ около двенадцати*.

Наблюдаются целые парадигматические ряды предложений квантитативно-генитивной организации:

(3) а) *Два парохода стоит на рейде*. – б) *Пароходов на рейде стоит два*. – в) *Пароходов там всего два*. – г) *Пароходов там иногда бывает и не два*. – д) *Пароходов там – тьма / не счесть!* – е) *Пароходов там стоит!* – ж) *Пароходов там!*

(4) а) *Летом к ним наезжает множество гостей*. – б) *Гостей наезжает к ним летом пропасть!* – в) *Гостей наезжает к ним летом!* – г) *Гостей летом!*.

Как свидетельствуют научные и учебно-методические источники, предложения с так называемым «нерасчлененным количественно-именным компонентом», занимающим припредикатную позицию (1 а, 1 б, 3 а, 4 а), рассматривались многими русскими лингвистами. Свое мнение об их грамматической сущности высказали А.А. Потебня, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Т.П. Ломтев, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Камынина, В.В. Бабайцева, Н.Ю. Шведова, А.А. Шевцова и мн. др.

Цель статьи – уточнить структурно-семантическую специфику и характер деривационной связи предложений с количественно-именным компонентом в предикативной основе, неоднозначно квалифицируемых в отечественном классическом и современном синтаксисе. Для достижения этой цели нами разработана методика интроспективного анализа позиционного состава предложения (идея В.В. Луцкай [6]), которая позволяет провести более четкие границы между личными двусоставными и безличными односоставными конструкциями, производными от личных (синтаксическими дериватами) в некоторых из исследуемых разновидностей, а также установить деривационные отношения между двусоставными количественно-именными, безличными квантитативными и генитивными построениями.

Как известно, А.А. Потебня относил конструкции типа 1 а), 1 б), 3 а), 4 а) к бессубъектным, где числительное – это «бывшее подлежащее уже не принимаемое за субстанцию, производящую действие» [8, с. 355]. А.А. Шахматов, наоборот, видел в количественно-именном сочетании подлежащее, в связи с чем считал, что глаголы в форме 3 лица единственного числа «нельзя понимать как формы безличного глагола, а только как сказуемое» [13, с. 469]. А.М. Пешковский склонен был включать их в разряд безличных с именительным количеством. Но более вероятным ему представлялось видеть в них «плод смешения личного и безличного оборотов в такую эпоху языка, когда оба типа предложений были уже вполне развиты» [7, с. 335–337]. Линия А.А.Шахматова поддержана в работах Е.М. Галкиной-Федорук, И.П. Распопова [10, с. 206], А.А. Камыниной и др.. Она нашла отражение в Академических грамматиках (1970 [§1294] и 1980 [т.2, §2241]).

Включение в работу процедуры идентификации членов предложения с их теоретическими аналогами по принципу функциональной эквивалентности по методике В.В. Лушай [6 с. 41–51] позволяет выявить позиционный состав данных конструкций:

(1 а) *столько-то тех-то там-то лежит = то-то там-то лежит*;

(1 б) *потеряно того-то столько-то = то-то потеряно*;

(3 а) *столько-то тех-то стоит = то-то стоит*;

(4 а) *тогда-то туда-то наезжает столько-то тех-то = то-то наезжает*.

Функционально-семантическая модель отражает два состава предикативного ядра: количественно-именное подлежащее/ субъект действия или бытия (экзистенциальности) и глагольное или причастное сказуемое/ предикат с акциональной или экзистенциальной семантикой. В качестве фоновых структур, необходимых при экспликации процедуры идентификации, приведем примеры из более строгого научного обихода, где часто вместо нерасчлененных количественно-именных единиц или наряду с ними употребляется составное сочетание «некоторое количество того-то», при котором согласование сказуемого с подлежащим не вызывает сомнения, например: *В течение остального периода соревнований из обеих команд **выбыло** из-за невыполнения норм одинаковое количество спортсменов* [Сб. задач по матем. М., 1992, с.317]. Сравним: *выбыло несколько спортсменов; выбыло пять спортсменов*. Или: *Известно также, что количество денег, оставшихся неизрасходованными к концу первой, второй и третьей недель, **убывало** в арифметической прогрессии. Сколько денег было израсходовано за три недели отпуска* [там же, с.357].

Сопоставительный анализ структур убеждает, что предложения с нерасчлененным количественно-именным сочетанием в позиции N_1 целесообразно квалифицировать как особый вид двусоставных предложений с неморфологизованным подлежащим (структурная схема - $\approx N_1$), связь которого со сказуемым осуществляется нередко по количественному слову (формально), но может (и достаточно часто) «основываться и на смысловой координации сказуемого с подлежащим. Выбор формы числа глагола-сказуемого в каждом конкретном случае диктуется стилистическими соображениями» [14, с.56], например: 1) *Помимо мужчин службу в батальоне **несут** и несколько десятков женщин* (из прессы); 2) *В Донецкой области **проживают** свыше 11 тысяч человек в возрасте 90 лет и более* (ТВ); 3) *Ко мне **обернулось** с десятков лиц – смущенных, любопытных, вызывающих* (Ю.Даниэль). Структурную схему таких предложений можно представить так: $\approx N_1 - V_f$, где знак эквивалентности ($\approx$) обозначает, что позицию в данном случае подлежащего (N_1) занимает функциональный эквивалент.

Узуально закрепленной стилистической разновидностью подобных конструкций принято считать и такие, как (2 а, 2 б, 3 б, 4 б), а также *Сыновей*

у них росло двое (В. Орлов); Народу съехалось пропасть (И. Тургенев); Работы у начбоя было по горло (В. Быков); Дел скопилось – не разгрести (В. Токарева). Их своеобразие заключается в устойчивом расчленении количественно-именного сочетания, которое некоторые ученые квалифицируют как расчлененное подлежащее (в частности, Н.Ю. Шведова). А особенность их структурной дистантности объясняют коммуникативными задачами говорящего [11, с.241]. Действительно, для большинства таких построений еще допустимо варьирование глагольного предиката в пределах грамматического/ семантического согласования. Но нельзя не замечать устойчивой закономерности не только в характере уподобления сказуемого с таким расчлененным количественно-именным комплексом (от грамматического согласования в сторону логической несогласованной связи), но и в особенностях смыслового наполнения модели.

Систематическое расчленение единого подлежащего комплекса и закрепление за существительным в родительном падеже места препозитивного субъектного детерминанта, а за количественной словоформой (числительным или его функциональным эквивалентом) места обстоятельственно-характеризующего элемента высказывания повлекло за собой и изменения в структурно-семантическом пространстве предложения. Предикат все более строго закрепляется в формах единственного числа третьего лица или среднего рода, что характерно для безличной формы глагола (V_{fs}). Субъект в родительном падеже с ярко выраженной для генитива семантикой выделительности (ср. у П.В. Чеснокова: «свойственное родительному падежу значение отделения части от целого, подмножества от целого множества» [12, с. 55]) занимает позицию субъектного детерминанта, а количественное слово тяготеет к предикату: *Пароходов на рейде стоит два*. И.П. Распопов именовал такое количественное числительное «количественным атрибутом» [9, с.124] главного члена безличного предложения, а П.В. Чесноков обосновывает его особый обстоятельственный статус члена предложения «с двойным подчинительным синтаксическим отношением», который «получил в работах Л.Д. Чесноковой наименование «дуплексив» [12, с.56]. В позиционном составе этот компонент закрепляется и синтаксически, и семантически как обстоятельство количества или квантитативный распространитель в тех разновидностях БП, где эксплицирован главный член – безличная форма глагола или ее функциональный эквивалент, например: (3 б; 2 а; 2 б), а также *Деревьев там росло всего три; Посетителей вошло четверо; Грибов собрано воз; Денег заработано пустяк*. Характерную особенность этих конструкций отмечает В.В. Бабайцева: «...препозиция имени влечет за собой грамматические изменения в подчинении (*два пароходов -?*), в согласовании со связкой и т.д., нередки случаи четкого интонационного членения на два состава и т.д. Все это заставляет предположить сосуществование нестабилизированных звеньев, занимающих переходную зону между моделями *Было два парохода*

и *Пароходов – было два*, и дает возможность ставить вопрос о необходимости их неоднозначной квалификации» [1, с. 83].

И дело даже не в том, что разрушена связь управления (Русская грамматика 1980 находит объяснение и этому факту: «Такое расчленение с заменой формы Р.п. ед.ч формой мн.ч. служит целям актуализации обоих членов количественного сочетания, причем эта актуализация приобретает специальное грамматическое выражение» [11, с.241]), а в том, что в подобных построениях эксплицируется иная концептуализация фрагмента действительности, чем в исходном высказывании *Было два парохода*. Налицо существенный сдвиг в общей семантике предложения от представления о положении дел с некоторым количеством предметов мысли (*было то-то*) в направлении представления о количественной квалификации (количественном состоянии) неких предметов мысли как непреднамеренной экзистенциальности (*было таково*).

Нередко бытийный глагол при актуализации количественной характеристики легко эллиптируется и «уступает место связке» [3, с.383], как это произошло в примерах: *3 в, 3 г, 3 д*, а также *Ртов в семье было пять* (С. Довлатов); *Сыновей у матери трое* (Н. Рыбак). Количественное слово смещается из позиции количественного атрибута (по И.П. Распопову) в присвязочную субпозицию именного главного члена безличного предложения, сохраняясь как дуплексив (по П.В. Чеснокову), но только меняет функцию ($Num \rightarrow \approx V_{fs}$). Особенно это ощутимо в случаях с неспециализированной для позиции количественного слова (Num) словоформой, например: *Народу на ярмарке – труба нетолченная* (А. Толстой); *В подмосковном городе, где жили сыновья, работы было хоть отбавляй* (Б. Екимов); *Времени же на все было в обрез* (В. Быков); *...лесу кругом видимо-невидимо* (С. Алексеев); *А толку – кот наплакал* (В. Токарева). Подобные выражения свидетельствуют о том, что в узусе сформировалась новая модель $N_2 V_{fs} Num (\approx Num)$: *Пароходов стоит два/тьма* и ее функционально-синтаксический модификат $\approx V_{fs} num N_{2num}$: *Пароходов там – тьма / не счесть!*

Грамматика (1970) предложения типа *Разрушений не сосчитать; Яблок – завались; Рыбы – хоть руками из воды таскай* и подобные трактует как регулярную реализацию структурной схемы $Adv_{quantit}$ (или $N_{quantit}$) Gen [4, с.361]. С точки зрения развиваемой нами концепции их можно подвести под схему $\approx V_{fs}$ на том основании, что в расчлененную присвязочную субпозицию составного именного главного члена безличного предложения выдвинулась неспециализированная словоформа (комплекс словоформ), несущая значение количественно охарактеризованной самопроизвольной экзистенциальности неких реалий действительности. Процесс обусловлен закономерностями заполнения позиции главного члена безличных предложений и его синтагматики (обязательное заполнение позиции генитива с количественной семантикой).

Рассмотренные конструкции вызывают небезосновательный интерес у специалистов еще и своими прямыми или опосредованными связями с рядом довольно спорных в отношении структурной организации синтаксических построений. Речь идет о предложениях типа (3 е и 4 в): *Пароходов там стоит! Гости наезжает к ним летом!* или *Зевак собралось! Цветов насажено! Радости было!* и подобных, которые можно считать прямыми трансформами, или дериватами, предыдущего количественно-именного типа двусоставного предложения. Модель могла сформироваться путем элиминации количественного слова с целью переключения основного смысла 'некоторое количество деятелей / носителей состояния и их действие/состояние' в плоскость стихийного, самопроизвольного процесса или состояния в отношении большого количества объектов. Такая трактовка семантико-структурной организации подобных предложений позволяет нам уточнить точку зрения В.А. Белошапковой на соотнесенность данных моделей напрямую с базовой *Гости понаехали; Цветы насажены* [2, с.45-51]. Если подобная деривационная связь и существует, то только через ступень вышеуказанных моделей. Данные образования, вероятно, находятся в стадии переходности из двусоставных в односоставные безличные. Позиция количественного слова в них полностью не закрыта, а само значение квантитативности с элиминацией количественного компонента как бы стягивается в субстантивно-генитивную словоформу. Одновременно наблюдается, что с трансформацией структуры происходит существенный сдвиг и в семантике предложения, закрытие позиции N_1 влечет формально-грамматические изменения предиката (он лишается возможности варьирования форм по линии <ед.ч. ~ мн.ч.> и строго регламентируется в форме на *-ет / -ит* или на *-о*), что, естественно, приводит к реальному смысловому отличию производной конструкции от производящей. Сравним: *В волейбол стал играть [американский волонтер], в секции сразу народу прибыло, в основном, конечно, за счет женского пола (из прессы) ← Много народу прибыло...; Было. Всего было. И шуму было, и слез было, и радости.* (Ф. Абрамов) ← *Много всего было. И шуму много было...* В авторском варианте акцентируется не количество реалий бытия, а их (в большом количестве) самопроизвольное бытие как факт независимого от воли говорящего наличия таких реалий. Считаем, что модель с названной семантикой уже сформировалась и активно заполняется, например: *Жизнь долгая, - будет еще и хорошего и дурного, всего будет* (А. Чехов);.

Таким образом, один из путей развития квантитативной модели двусоставного простого предложения нам видится в направлении расширения поля безличности, то есть в развитии модели V_{f3s} и ее модификата $\approx V_{f3s}$. Это происходит, как мы показали, через эллипсис количественной словоформы в составе предложений с количественно-именным сочетанием и вызванный этим процессом сдвиг в семантике производной конструкции, что способствует ее отрыву от исходного образца.

Следуя логике нашего рассуждения, можно обнаружить прямую деривационную связь предыдущих конструктивных подтипов количественных предложений с генитивной разновидностью односоставного предложения (см. примеры: (3 ж) *Пароходов там!* и (4 г) *Гостей у них летом!..*), структурная схема которых N_2 или Gen!

Помимо отсутствия в подобных построениях сказуемого (бытийность в них имплицитно представлена), всеми отмечается разговорный характер и высокая экспрессивная насыщенность количественных генитивов: *Цветов-то кругом, цветов! Народу на площади!* Их самодостаточность возникает за счет того, что генитив способен вмещать в себя одновременно, как минимум, три значения: объектности, количественности и экзистенциальности. Следовательно, в одной синтаксической позиции совмещены три функции: предметная, нумералисная, предикатная, что свидетельствует о функционально-семантической синкретичности занимающего данную позицию компонента, который через эллипсис соответствующих словоформ стянул на себя их функции. Вот почему до сих пор нет четкой квалификации генитивных предложений – подлежащностный тип или сказуемостный (см. разные точки зрения в работах Н.С. Валгиной, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, Н.Ю. Шведовой, А.А. Шевцовой и др.), т.е. $N_2 \approx N_1$ или $N_2 \approx V_{fs}$? Нам представляется, что схема Gen_{quantit}! является сложившимся уже в языке неисходным, производным образованием с собственным семантическим наполнением ‘наличие большого количества чего-либо/ кого-либо’, выраженным именем в родительном падеже и оформленным обычно как экспрессивное восклицание: *Новый год приближается: радости детям! Украшений-то, гирлянд на елке! Веселья будет!*

Решение проблемы членопредложенческой квалификации грамматического центра генитивных предложений связано с решением принципиальной проблемы подлежащего в неисходных структурах с синкретичными компонентами. Одни ученые признают в компоненте N_2 подлежащее (А.А. Шахматов, П.А. Лекант, Ю.М. Костинский), другие рассматривают генитивные конструкции в составе безличных предложений (Грамматика русского языка 1954 г.), третьи относят их к неполным предложениям эллиптического типа с незаполненной позицией количественного слова (А.А. Шевцова [14, с.60–63]). Последняя точка зрения нам кажется наиболее убедительной, она опирается на концепцию динамического деривационного развития русского предложения. Более того, вопрос функционально-синтаксической квалификации генитива как производного от количественно-именного компонента может быть положительно решен, если не игнорировать универсальное свойство синтаксемы – степень её специализации в позиционном составе предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В., Максимов, Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов // В трех частях. Ч. III. – М.: Просвещение, 1981. – 261 с.
2. Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения / В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелева // Вестник МГУ, сер. 9. Филология. – 1981. – №2. – С.43 – 51.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник / М.В.Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 506 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
5. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1974. – 160 с.
6. Луцкая В.В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В.В. Луцкая. – Донецк:ДонНУ, 2010. – 255 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Изд-е 8-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
8. Потеева А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потеева // Т. III. Гл. XII. – М.: Просвещение, 1968. – С. 317 – 380.
9. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1973. – 218 с.
10. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики : Морфология и синтаксис / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.–352 с.
11. Русская грамматика: [В 2-х т.] / АН СССР, Ин-т русского языка; [Редкол.: Н.Ю.Шведова (гл. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1982. – Т.II. – 710 с.
12. Чесноков П.В. Предложения с расчлененным количественно-именным сочетанием / П.В. Чесноков // Филология на рубеже тысячелетий. Сб. науч. трудов. – Краснодар, 1996. – С. 53 – 57.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов // Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е.В. Клобукова. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
14. Шевцова А.А. Неполные предложения в современном русском языке / А.А. Шевцова. – Донецк, 1978. – 124 с.

ON THE SYSTEMITY OF SENTENCES WITH A QUANTITATIVE-GENITIVE COMPONENT

The article deals with the paradigmatic connections and relations within a disputable group of Russian sentences with common quantitative-genitive specificity. The structural-semantic differences between the original and derivative units are clarified, the nature of the derivational connection between them is clarified, and the dynamics and directions of development are determined with regard to the action of the principle of functional equivalence. The proofs are based on the application of the method of introspective analysis of the sentence.

Key words: *quantitative-genitive component, impersonal sentence, genitive sentence, positional composition, syntactic derivation.*

УДК 802.2-316.4

А.Н. Стебунова

ГОУ ВПО «Донецкой национальной университет»

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТОВ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В АНАТОМО-ГИСТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются случаи дифференциации терминов с пространственным значением в анатомо-гистологической терминологии. Анализ корреляций между русскими и греко-латинскими приставочными терминовыми элементами позволил разграничить гипонимичные термины и терминовые элементы и упорядочить русские и международные анатомо-гистологические термины.

Ключевые слова: *терминовый элемент, термин, словообразование, пространственная дифференциация, префиксация*

Среди современных исследований по терминологии можно выделить отдельным направлением работы по терминологической дериватологии — науки о моделях, способах и закономерностях образования терминов. В ряду наиболее сложных проблем этой науки стоит проблема межъязыковой гипонимии. Как правило, международные научные номенклатуры используют ресурсы двух языков: греческого и латинского. А это позволяет давать такие тонкие профессиональные дифференциации (и на уровне термина, и на уровне терминового элемента), каких ресурсы одного языка не

позволяют. Поэтому в национальных номенклатурах, в частности, в русских изданиях анатомической [3] и гистологической [4] номенклатур, стерты многие существенные терминологические различия, представленные в международных номенклатурах. Недостаточность русского словообразования особенно проявляется в передаче пространственных значений, которые в медицинской науке детально дифференцированы. Такое внимание к точной локализации какого-либо анатомического образования понятно, поскольку в медицине это имеет жизненно важное значение. Пространственная дифференциация достигается в анатомо-гистологической терминологии с помощью набора греко-латинских префиксальных терминоэлементов. Если сопоставить их объем с объемом соответствующих средств русского языка, выясняется, что русским терминоэлементам «над» и «под» в аналогичных международных терминах соответствуют 5 префиксов, терминоэлементам «внутри» и «вне» — 4, терминоэлементам «перед» и «за» — 4, терминоэлементу «меж» — 2, терминоэлементу «около» — 2.

Греко-латинские терминоэлементы подробно описаны в работе В. Ф. Новодрановой «Латинские основы медицинской терминологии (именное словообразование)» [5]. Автор указанной работы пришла к выводу, что роль греческих префиксов сводится к простому дублированию латинских, а использование одного из двух синонимов определяется чисто конвенционально [5, с. 35]. Однако в действительности греческие и латинские терминоэлементы, используемые для пространственной характеристики, не являются синонимичными: они не обладают свойством субституции, что является важнейшим признаком синонимии. Этим свойством не обладают даже терминоэлементы одного латинского языка, имеющие одинаковый русский эквивалент. Например, нельзя прилагательное *infrascapularis* заменить в анатомической номенклатуре прилагательным *subscapularis*, а прилагательное *infraclavicularis* прилагательным *subclavius*, хотя первая пара переводится на русский язык одним прилагательным «подлопаточный», а вторая пара — одним прилагательным «подключичный».

В этих примерах, как и во многих других, русские недифференцированные терминоэлементы выступают в роли гиперонимов по отношению к понятийно разделенным латинским терминоэлементам. Тщательный анализ латинских терминов, содержащих приставочные терминоэлементы, помогает выявить семантические корреляции между русским терминоэлементом — гиперонимом и греко-латинскими гипонимами.

Если взять термины, содержащие приставку *sub*: *articulation subtalaris* — «подтаранный сустав», *musculus subclavius* — «подключичная мышца», *bursa submuscularis* — «подмышечная сумка», *vena subcutanea* — «подкожная вена», *recessus subhepaticus* — «подпеченочное углубление» и др., — оказывается, что речь идет о таком анатомическом образовании, которое

забегает под другим образованием (обычно в горизонтальной плоскости) и сверху как бы накрыто этим образованием.

Возможности русского словообразования оказались недостаточными для передачи указанных различий: значение «расположенный ниже» (*infra*) пытались отделить от значения «расположенный под» (*sub*), что вызвало появление неудачных образований типа «нижнеглазничный», искажавших значение латинских прилагательных и не утвердившихся в качестве их русских эквивалентов. Прилагательное «нижнеушной», используемое в русской номенклатуре как эквивалент латинского *infraauricularis*, безусловно, неудачно, так как не передает значения «находящийся ниже ушной раковины».

Указанные различия между близкими по значению терминологическими элементами *infra* и *sub* переносятся на названия нервов и сосудов, которые, как правило, именуется по тем образованиям, к которым они подходят: *nervus subscapularis* — «подлопаточный нерв» назван так потому, что он идет к соответствующей мышце (*musculus subscapularis*); *nervus infraorbitalis* — «подглазничный нерв» и *arteria infraorbitalis* — «подглазничная артерия» названы так потому, что лежат в подглазничной борозде (*sulcus infraorbitalis*) и подглазничном канале (*canalis infraorbitalis*).

Если сравнить термины, содержащие приставки *infra* и *supra*, выясняется, что эти терминологические элементы обозначают положение выше и ниже по вертикали, обычно на некотором расстоянии от данного анатомического объекта: *sutura infraorbitalis* — «подглазничный шов», *fossa infratemporalis* — «подвисочная ямка», *crista supramastoidea* — «надсосковидный гребень», *fossa supratonsillaris* — «надминдальная ямка» и т. д. Часто речь идет о парных анатомических образованиях: «подключичная/надключичная ямка», «подглазничный/надглазничный край», «подсуставной/надсуставной бугорок», «подостная/надостная мышца».

Греческие терминологические элементы *hupo* и *epi* как и предыдущие латинские, образуют зачастую парные термины: *hypogastrium/epigastrium* — «подчревь/надчревь», *hyponychium/eponychium* — «подногтевая пластинка/надногтевая пластинка».

В этих парах приставки *hupo* и *epi* обозначают верхнюю и нижнюю части целого. В отличие от *supra*, терминологический элемент *epi* обычно ориентирует на расположение поверх, непосредственно на данном образовании. В словаре П. И. Карузина [2] этот терминологический элемент зачастую раскрывается «как «расположенный на... находящийся на расположенный поверх...». Например, для *epithalamus* П. И. Карузин дает толкование «отдел мозга, лежащий на *thalamus opticus*», для *episcleralis* — «расположенный на склере», для *epiduralis* — «расположенный поверх твердой мозговой оболочки». Если сравнить последнее толкование с толкованием в словаре Г. Д. Арнаутова [1]: «лежащий над твердой мозговой оболочкой», можно заметить, что

определение П. И. Карузина создает более точное пространственное представление.

В двух русских терминах-эквивалентах приставка «над» заменена существительным «придаток»: *epiorphoron* — «придаток яичника», *epididymis* — «придаток яичка». Что же касается названий оболочек: *ependyma* — «оболочка, покров», *epicardium* — «наружная серозная оболочка сердца», «соединительнотканная наружная оболочка нерва», «ткань, выстилающая поверхность и полость тела», «поверхностный слой кожи», — то эти названия обычно не переводятся, а транслитерируются: эпендима, эпикард, эпителий, эпидермис (хотя для последнего и существует русский эквивалент «надкожица»).

Приставка *intra* входит в состав прилагательных, имеющих значение «находящийся внутри в составе данного образования»: *intratendineus* — «внутрисухожильный», *intraparietalis* — «внутрибрюшной», *intraarticularis* — «внутрисуставной», *intraocularis* — «внутриглазной» и т. д. Все эти и подобные слова указывают на локализацию в тканях органа. Антонимичная приставка *extra* встречается реже, в прилагательных с противоположным значением: *intracapsularis/extracapsularis* — «внутрикапсульный/внекапсульный».

Греческий терминологический элемент *endo* в анатомической терминологии ориентирует на полость внутри органа: *endolympha* — «жидкость, заполняющая перепончатый лабиринт внутреннего уха»; *fascia endocervicalis* — «внутришейная фасция». В соединении с названием органа терминологический элемент *endo* дает названия оболочек, покрывающих полость органа изнутри (*endocardium*, *endometrium*).

В гистологических терминах *endomysium*, *endoneurium*, *endotendineum* приставка *endo* является коммуникативным заместителем целого словосочетания «рыхлая неоформленная соединительная ткань, расположенная в виде прослоек между волокнами данной ткани». Указанное словосочетание присутствует в дефиниции терминов, а сами термины переносятся в русскую терминологию в транслитерированном виде, без попыток подыскать однословные русские эквиваленты.

Приставка *ante* используется только в названии предплечья (*antebrachium*).

Приставка *retro* имеет топографическое значение. Термины с этим элементом указывают на расположение позади конкретного анатомического образования, на непосредственное прилегание к этому образованию сзади. На русский язык *retro* обычно переводится приставками «за», «позади»: *agea retroolivaris* — «позадиоливное поле», *arteriae retroduodenales* — «позадидвенадцатиперстные артерии», *organum retroperitoneale* — «забрюшинный орган», *recessus retrocaecalis* — «позадислепокишечное углубление».

Приставки *pre* и *post* указывают на протяженность, следование впереди и позади данного анатомического образования. Зачастую термины с *pre* и *post* объединяются в пары, причем приставка *post* обычно переводится в этих терминах приставкой «после»: *linea preaxillaris/postaxillaris* — предподмышечная/послеподмышечная линия», *membrana presynaptica/postsynaptica* — «предсинаптическая/послесинаптическая перепонка». Лишь прилагательное *postcentralis* переводится как «зацентральный» в значениях: «зацентральная борозда, вена, извилина».

Следует отметить единственную греко-латинскую пару терминоэлементов, которая, несмотря на близость исходного значения, хорошо дифференцирована и в международной и в русской номенклатуре — это терминоэлементы *inter* и *meso*.

Элемент *inter* задействован только в составе прилагательных и переводится на русский язык элементом «меж»: *interclavicularis* — «межключичный», *intercostalis* — «межреберный», *interdentalis* — «межзубной», *intermuscularis* — «межмышечный».

Элемент *meso* используется в основном для образования названий брыжеек органов. Брыжейки ободочной кишки, желудка, матки, яичка, прямой кишки именуется соответственно *mesocolon*, *mesogastrium*, *mesometrium*, *mesorchium*, *mesorectum*/

Приставка *para* в сочетании с названием внутреннего органа указывает на клетчатку около или вокруг органа: *paracervix* — «околошеечная клетчатка», *parametrium* — «околоматочная клетчатка», *paracortex* — «околокорковое вещество».

Приставка *peri* в сочетании с названием органа обозначает наружную оболочку, капсулу, ткань, брюшину, покрывающую орган: *perimetrium*, *perimysium*, *perineurium*, *peridontium* и др. Эти названия в русской номенклатуре обычно транслитерируются.

Анализ корреляций между русскими и греко-латинскими приставочными терминоэлементами, имеющими пространственное значение, позволяет сделать следующие выводы.

Дифференциация приставок со значением «над-под»: *infra-supra* обозначают нахождение на вертикальной оси выше и ниже данного образования; *epi* указывает на расположение поверх, непосредственно на данном образовании, *hypo* и *sub* — на залегание непосредственно под данным образованием, с той, однако, разницей, что *sub* определяет одиночную анатомическую структуру, залегающую под поверхностью данного образования, а *hypo* обычно указывает на парную анатомическую структуру, нижнюю часть целого.

Дифференциация приставок со значением «внутри-вне»: *intra* — это «внутри, в тканях данного образования», *endo* — это «внутри, в полости данного образования».

Дифференциация приставок со значением «за, позади, после»: *retro* — это расположение непосредственно за данным анатомическим объектом, *post* — это следование после данного анатомического объекта.

Дифференциация приставок со значением «около»: *para* — это «около, рядом, возле»; *peri* — это «около, вокруг».

В результате объединения приставки со строго определенной словообразовательной моделью возникают качественно новые значения термина:

meso + название органа = «брыжейка данного органа»;

endo + название органа = «внутренняя оболочка органа»;

endo + название ткани = «рыхлая неоформленная соединительная ткань, расположенная в виде прослоек между волокнами данной ткани»;

epi + название половой железы = «придаток половой железы»;

para + название анатомического образования – «клетчатка около данного анатомического образования»;

peri + название органа = «оболочка данного органа».

Выявление этих и других правил терминологического словообразования позволит решить, как минимум, две задачи: 1) разграничить гипонимичные термины и терминологические элементы, которые являются в настоящее время камнем преткновения в обучении студентов; 2) создать достаточно строгие основания для работы по упорядочению русских и международных анатомо-гистологических терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арnaudов Г. Д. Медицинская терминология (на пяти языках). — София: Медицина и физкультура. 1989.
2. Карuzин П. И. Словарь анатомических терминов. — М.—Л.: Госиздат. 1988.
3. Международная анатомическая номенклатура/ Под. ред. С. С. Михайлова. — М.: Медицина. 1988.
4. Международная гистологическая номенклатура. /Под общей ред. Ю. И. Афанасьева. — М.: Медицина. 1987.
5. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. — М., 2008.

A.N. Stebunova

DIFFERENTIATION OF TERMINOELEMENTS WITH SPATIAL SIGNIFICANCE IN ANATOMICAL AND HISTOLOGICAL TERMINOLOGY

The article deals with cases of differentiation of term elements with spatial meaning in anatomical and histological terminology. The analysis of correlations

between Russian and Greek-Latin prefixed term elements made it possible to distinguish between hyponymic terms and term elements and to streamline Russian and international anatomical and histological terms.

Keywords: term element, term, word formation, spatial differentiation, prefixation

УДК 372.41

Т.П. Плахтий

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ФОРМИРОВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается проблема формирования орфографической компетенции у учеников второго класса на уроках русского языка в начальной школе. Уточняются такие понятия как «орфографическая компетенция», «орфографическая грамотность», «орфографическая зоркость», «орфографические умения», «орфографические навыки». Анализируются некоторые аспекты современных программ и учебников для 2-го класса начальной школы по дисциплине «Русский язык» с точки зрения задач по формированию орфографической компетенции у младших школьников.

Ключевые слова: орфографическая компетенция, орфографическая грамотность, орфографическая зоркость, орфографические умения, орфографические навыки, младший школьник.

Работа учителя начальной школы по формированию орфографической компетенции младшего школьника обусловлена требованиями Государственного общеобразовательного стандарта начального общего образования Донецкой Народной Республики [1] и Примерной образовательной программы по русскому языку для 1 – 4 классов, которая содержит раздел «Орфография и пунктуация» [7]. Согласно программным требованиям второклассник должен «... осознавать место возможного возникновения орфографической ошибки; подбирать примеры с определённой орфограммой; при составлении собственных текстов перефразировать записываемое, чтобы избежать орфографических и пунктуационных ошибок; при работе над ошибками осознавать причины появления ошибки и определять способы действий, помогающих предотвратить её в последующих письменных работах» [7, с.24].

Системная работа на уроках русского языка с учащимися во время изучения программного раздела «Орфография и пунктуация» во втором классе начальной школы предполагает формирование орфографических умений и навыков, а также орфографической зоркости. Второклассников необходимо научить применять орфографические правила, выделять орфограмму в слове. Основным способом определения уровня орфографической грамотности младших школьников является учет различных ошибок в речи учащихся. Формирование орфографических навыков у младших школьников обеспечивается систематической проверкой и оценкой их работ.

Цель данной статьи: рассмотреть вопросы формирования орфографической компетенции у учеников второго класса на уроках русского языка в начальной школе.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: сопоставить понятия «орфографическая компетенция», «орфографическая грамотность», «орфографическая зоркость», «орфографические умения», «орфографические навыки»; проанализировать программы и учебники для 2-го класса начальной школы по дисциплине «Русский язык» с точки зрения задач по формированию орфографической компетенции у младших школьников.

Процесс формирования орфографической компетенции у детей младшего школьного возраста носит комплексный характер и основан на базе разработанных технологий начального языкового образования, которые отображены в работах М. М. Разумовской, М. Р. Львова, П. С. Жедек, С. В. Плотниковой, О. Н. Нагаевой и др.

В первую очередь, рассмотрим значения понятий «орфография», «орфограмма», «орфографическое правило», «орфографическая задача». С. В. Плотникова, автор пособия «Теория и технология начального языкового образования», определяет три значения понятия «орфография»: «...1) исторически сложившаяся система единообразных написаний, которая используется в письменной речи; 2) правила, устанавливающие единообразие способов передачи речи на письме; 3) раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний» [6, с. 138]. Рассматривая три лексических значения понятия «орфография», С. В. Плотникова расширяет семантическое поле этого термина. В начальной школе понятие «орфография» не вводится. Учащимся даётся только понятие «орфограмма».

В учебнике по русскому языку для начальной школы понятие орфограммы сформулировано в виде правила, описывающего лишь определенный вид орфограмм: «Буква, обозначающая безударный гласный звук в корне слова, – это орфограмма. Её написание надо проверять или запоминать» [3, с. 109]. Простое определение понятия «орфограмма» предлагает для младших школьников Э. С. Сильнова: «Буква, при написании которой возникает опасность ошибки, называется орфограммой» [11, с. 57].

С. В. Плотникова даёт следующее определение понятия «орфограмма»: «Орфограмма – графический знак, который не определяется однозначно и выбирается из ряда возможных (допускаемых графикой) по правилу» [6, с. 138]. Это определение предложено для студентов, будущих учителей начальных классов. По мнению С. В. Плотниковой «... орфографическое правило – это предписание, устанавливающее порядок выполнения орфографического действия, направленного на выбор верного варианта написания» [6, с. 161]. Н. С. Рождественский орфографическое правило определяет как «... особую краткую инструкцию, в которой перечислены условия выбора той или иной орфограммы» [10, с. 36].

Применяя орфографическое правило, учащиеся действуют по определенному алгоритму. Действие по алгоритму при выборе варианта правильного написания слова с орфограммой предполагает решение орфографических задач. А. Ю. Дронова даёт следующее определение этой дефиниции: «Орфографические задачи – выполнение сложных действий на основе применения правил способов проверки. Решение орфографических задач обеспечивает наивысшую осознанность в работе по орфографии по сравнению с другими способами ее усвоения» [2, с. 40]. Для выполнения орфографических задач учащиеся должны обладать орфографической зоркостью, знать орфографические правила и уметь применять их на практике – выполнять «орфографические действия». При выполнении орфографических действий у младших школьников формируются орфографические умения и навыки.

Орфографические действия выполняются по алгоритму, которым предусматривается: анализ единицы языка (слова, словосочетания); определение способа проверки орфограммы путем применения правила, использования аналогий, обращение к словарю; операция проверки орфограммы одним или несколькими способом; написание слова или словосочетания. Комплексное выполнение орфографических действий обеспечивает формирование у младших школьников орфографических навыков и умений.

Орфографическими называют умения, которые обеспечивают грамотное написание слов. С. В. Плотникова указывает критерии определения сформированности орфографического навыка: «Если выбор написания, соответствующего орфографической норме, происходит автоматически и не отвлекает внимания пишущего от содержания и речевого оформления высказывания, это означает, что у него сформирован орфографический навык» [6, с. 140]. Лаконичное определение понятия «орфографический навык» находим в пособии М. Р. Львова «Методика преподавания русского языка в начальных классах»: «Орфографический навык – это навык речи, используемый на письме» [5, с. 117]. М. Р. Львов отметил, что формирование орфографического навыка – процесс сложный, так как в ходе написания текстов, писем, ребёнка в первую очередь интересует содержание

написанного, поэтому об этом он и начинает думать, а не над орфографией [5, с. 18]. Когда учащиеся второго класса выполняют какое-либо упражнение, они следят за содержанием, за тем, чтобы не пропустить слова или строку из текста и не задумываются над правилами орфографии. Поэтому сформировать орфографический навык, довести применение правил до автоматизма – одна из основных задач учителя начальных классов на уроке русского языка.

Найти в тексте орфограммы помогает «орфографическая зоркость», способность обнаруживать орфограмму в слове, где графический знак не определяется произношением. Чем лучше у учащихся развита способность находить в словах места, которые нужно писать по правилам, тем выше их орфографическая грамотность. Главным в обучении правописанию является умение применять орфографическое правило. Однако это возможно только тогда, когда ученик видит объект применения правила – орфограмму.

В Государственном общеобразовательном стандарте начального общего образования обозначено, что предметными результатами освоения русского языка в начальной школе являются «... овладение первоначальными представлениями о нормах русского и родного литературного языка (орфоэпических, лексических, грамматических), умение ориентироваться в целях, задачах, средствах и условиях общения, выбирать адекватные языковые средства для успешного решения коммуникативных задач, овладение учебными действиями с языковыми единицами и умение использовать знания для решения познавательных, практических и коммуникативных задач» [1]. По определению Л. И. Разумовской, «... орфографическая грамотность – это составная часть общей культуры, залог точности выражения мысли и взаимопонимания» [9, с. 19]. Учителю важно донести до младшего школьника мотивационную установку о том, что человека, который умеет грамотно и чётко выражать свои мысли в устной или письменной речи, считают воспитанным, культурным и образованным.

Значение понятия «орфографическая компетенция» связано с понятием «языковая компетенция», так как формирование лингвистической компетенции младшего школьника обусловлено уровнем его общего развития, объемом индивидуального лексикона. Понятие «орфографическая компетенция» включает в себя и орфографическую зоркость, и орфографический навык, т.е. это более обширное понятие. В тоже время орфографическая компетенция является компонентой языковой (лингвистической) компетенции. По определению С. В. Плотниковой, «... языковая компетенция – это владение системой сведения об изучаемом языке по его уровням: фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом» [6, с. 34]. То есть, подразумевается, что учащийся, который осознает системный характер языка как совокупности лингвистических единиц, может пользоваться этой системой на практике.

Сопоставив понятия «языковая компетентность» и «орфографическая компетентность», можно сделать вывод, что орфографическая компетенция является компонентом языковой (лингвистической) компетенции. Орфографическая грамотность – основа орфографической компетентности – высокого уровня приобретённых навыков, умений и опыта, которые, в свою очередь, обеспечивают способность младших школьников осуществлять определенную речевую деятельность.

Большинством школ в ДНР используется Примерная программа по учебному предмету «Русский язык» для 1 – 4 классов, составленная Г. С. Грабовой, Н. Н. Седовой, Е. Н. Полищук [7]. Проанализируем некоторые аспекты этой программы с точки зрения задач по формированию орфографической компетенции у младших школьников.

Правописание всевозможных буквосочетаний (*жи-ши, ча-ща, чк, чн*), правописание безударных гласных в корне слова и парных по звонкости-глухости согласных, особенности правописания частей речи – этот материал дети изучают ещё в первом классе, а во втором и последующих расширяют и углубляют свои познания. Во втором классе самыми объёмными темами являются «Звуки и буквы» (60 ч.), «Части речи» (59 ч.) Именно при изучении этих тем закладывается основа орфографической компетенции. Учащиеся вторых классов должны владеть практическими навыками обозначения на письме мягкости согласных звуков буквой мягкий знак (ь) в середине слова. Второкласснику необходимо научиться применять изученные правила правописания (в том числе написание сочетаний *жи, ши, ча, ща, чу, щу, чк, чн, чт*; проверять написание проверяемых безударных гласных в корне слова, написание парных звонких и глухих согласных в корне слова (конец слова), написание непроверяемых гласных и согласных в корне слова (перечень слов в орфографическом словаре учебника), а также приобрести навык отдельного написания предлогов с именами существительными [7, с.10 – 11].

Предметные результаты освоения второго года изучения учебного предмета «Русский язык» по анализируемой программе предполагают формирование у учащихся вторых классов навыка выполнения аналитических и синтетических упражнений. В ходе работы с аналитическими упражнениями учащиеся наблюдают за языковыми изменениями, выполняют грамматический разбор, занимаются поиском и комментированием орфограмм. При выполнении аналитических задач ученики второго класса должны: характеризовать согласные звуки вне слова и в слове по заданным параметрам (согласный парный/непарный по твердости/мягкости, согласный парный/непарный по звонкости/глухости); различать шипящие согласные звуки [*ж*], [*ш*], [*ч'*], [*щ'*]; делить слово на слоги (в том числе при стечении согласных); находить орфограммы в слове и между словами; соблюдать на письме правила переноса слов со строки на строку (без учета морфемного членения слова); пользоваться

орфографическим словарем; выделять окончание в слове; распознавать слова, отвечающие на вопросы «Кто?», «Что?», определять их роль в речи; распознавать слова, отвечающие на вопросы «Что делать?», «Что сделать?», определять их роль в речи; распознавать слова, отвечающие на вопросы «Какой?», «Какая?», «Какое?», «Какие?»; определять их роль в предложении; распознавать наиболее частотные предлоги (в, на, из, без, над, до, у, о, об); правильно оформлять предложение на письме, выбирая необходимые знаки в конце предложения [7, с. 10].

Согласно программным требованиям, у учеников второго класса необходимо закрепить навык выполнения синтетических упражнений, которые предполагают образование новых (однокоренных) слов, словосочетаний или предложений разных видов, составление текстов с включением слов с орфограммами.

Следует обратить внимание на то, что Примерная программа по учебному предмету «Русский язык» для 1 – 4 классов, составленная Г. С. Грабовой, Н. Н. Седовой, Е. Н. Полищук, построена по *морфологическому принципу*, который предполагает системное изучение отдельных частей речи, их грамматических значений и признаков. Учитель систематически проводит с учащимися работу по анализу морфемного состава отдельных частей речи (имен существительных, имен прилагательных, глаголов, местоимений). Ученики 2 класса легко запоминают единообразное написание морфем и применяют выученные правила на практике. Второклассники знакомятся с родственными, то есть однокоренными словами. Школьники учатся выделять общую часть слова «корень». С такими морфемами как окончание, суффикс, приставка дети знакомятся только в третьем классе.

На рассмотрение однокоренных слов в учебной программе выделено 3 – 5 часов. По нашему мнению, этого времени недостаточно для изучения такой сложной темы. Слова с орфограммами младшие школьники должны разбирать по составу систематически. Если дети научатся правильно разбирать слова по составу, они усвоят орфографические правила написания морфем русского языка. Именно поэтому задания по разбору слова по составу необходимо включать в каждый урок по русскому языку во 2-4 классах.

Для реализации задач по формированию орфографической компетенции у младшего школьника используется учебник В. П. Канакиной «Русский язык» в 2-х частях [3], [4]. Во второй части этого учебника предлагаются упражнения, предполагающие выполнение аналитических задач: «Прочитайте. 1. *Лето, лететь, летом, летний*. 2. *Гора, горевать, горка, гористый*. 3. *Сыр, сырость, сырок, сырник*» [4, с.60]. Далее к упражнению предлагается задание: «*Все ли слова в каждой строчке можно назвать родственными? Почему? Запиши только родственные слова. Выдели в них общую часть*» [4, с.60]. По нашему мнению, терминологическое

словосочетание «родственные слова» не достаточно конкретно и его целесообразно заменить терминологическим словосочетанием «однокоренные слова».

Следует указать, что учебники В. П. Канакиной по предмету «Русский язык» для 2-го класса соответствует программе по учебному предмету «Русский язык» для 1 – 4 классов. Учебники включают обобщенные темы: «Наша речь», «Текст», «Предложение», «Слова, слова, слова ...», «Звуки и буквы» [3]; «Звуки и буквы», «Части речи», «Повторение» [4]. Благодаря этому материал укрупняется, что позволяет учителю систематизировать знания младших школьников. Кроме того, данные учебники содержат в себе упражнения, предлагающие задачи по формообразованию и словообразованию. Например: «Прочитайте. Запишите без скобок, изменяя форму каждого слова по образцу. У (воробей), под (ель), с (метель), о (муравей), к (соловей), с (радость), перед (дверь), над (площадь). Я (шить). Он (пить). Они (лечь). Она (вить). Образец. 1. У воробья, ... 2. Я шью. ... . Подчеркните разделительный мягкий знак (ь) и буквы, перед которыми он пишется» [4]. Такие упражнения способствуют формированию грамматического строя речи и помогают учащимся второго класса закрепить изучаемые орфографические правила написания отдельных морфем.

Стоит обратить внимание на то, что лексический материал в упражнениях анализируемых учебников адаптирован для учеников 2 класса, в упражнениях даются образцы выполнения задания. Приведем пример упражнения из учебника по русскому языку для 2-го класса, содержащего комплексные задания: «Рассмотри рисунки. На первом рисунке изображены мальчик и девочка. Они слепили снеговика. Мальчик приделывает снеговика нос из морковки, а девочка крепит рядом со снеговиком метлу. На голову снеговика дети надели ведро. На втором рисунке нарисована девочка. Она катается по льду на коньках. На третьей картинке – двое ребят. Старший мальчик катает младшего на санках. Все три картинки можно объединить общей темой – зимние игры» [4]. Далее следуют вопросы: «Что художник изобразил на рисунках? Какое это время года? Где происходит действие? Чем заняты дети? Какое настроение у детворы?» и задание «Придумайте по рисункам рассказ и название к нему. Подготовьтесь его рассказать. Запишите несколько предложений из составленного рассказа» [4]. Детям дополнительно можно предложить подчеркнуть знакомые орфограммы в созданном ими тексте. Например, выделить орфограммы по правописанию безударной гласной в корне слова, правописанию парных по глухости-звонкости согласных, буквосочетания ча-ща, чу-щу, жи-ши.

Еще один пример комплексного упражнения из учебника В. П. Канакиной «Русский язык»: «Прочитайте. По какому признаку можно объединить данные слова в три группы? *Льдина, дождь, больница, деревья, медведь, альбом, здоровье, обезьяна, декабрь, коньки, играть, шалуныя*. Запишите слова по группам. Подчеркните в словах изученные орфограммы.

Составьте предложение с любым из выделенных слов. Запишите его» [4, с.37]. Следует обратить внимание на то, что в данном упражнении вводятся слова с разделительным мягким знаком и мягким знаком – показателем мягкости согласного. Упражнение предполагает выполнение как аналитических, так и синтетических задач, способствует формированию орфографической зоркости и орфографической компетенции у учащихся вторых классов.

По нашему мнению, недостатком учебников по предмету «Русский язык» для 2-го класса В. П. Канакиной являются очень объёмные и трудные для запоминания учащимися начальной школы правила. Например, *«Разделительный мягкий знак (ь) пишется в корне после букв, обозначающих согласные звуки, перед буквами «е, ё, ю, я, и». В этом случае буквы «е, ё, ю, я, и» обозначают два звука – согласный звук [й'] и последующий гласный звук: семья – семь[й'а], колье – коль[й'э], ружьё – ружь[й'о], вьюнок – вь[й'у]нок, соловьи - соловь[й'и], судья – судь[й'а]»* [4, с.32]. Еще один пример: *«Чтобы правильно обозначить буквой парный по глухости-звонкости согласный звук на конце слова или перед согласным, надо: или изменить слово: глаз – глаза, островки – островок, дубки – дубок, или подобрать однокоренное (родственное) слово так, чтобы парный согласный звук в корне оказался перед гласным звуком или непарным звонким звуком [н]: сказка – сказочка, сказочный, холод – холодок, холодный»* [4, с. 22].

Чтобы ученикам было легче запоминать правила, учитель должен перефразировать сложные формулировки. Дети с помощью учителя могут составлять лаконичные правила и записывать их в рабочую или отдельную тетрадь, также, как и словарные слова. Например, можно предложить учащимся такую формулировку правила: *«Для проверки парного согласного нужно его изменить так, чтобы после согласного стоял гласный: ложка – ложечка, нож – ножи»*. При работе с учебником необходимо дифференцированно подходить к постановке задач для учеников 2-го класса: выбирать объём заданий и количество поставленных задач, учитывая индивидуальные особенности речевого развития учащихся.

Менее распространена в ДНР программа по учебному предмету «Русский язык» для 1 – 4 классов школ, внедряющих развивающую систему Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова [8]. Русский язык по данной программе во вторых классах изучается также пять часов в неделю. По этой программе дети на втором году обучения не изучают определения частей речи. Темы для изучения во втором классе: *«Позиционное чередование гласных звуков», «Позиционное чередование согласных звуков, парных по звонкости/глухости», «Проверка орфограмм слабых позиций с помощью орфографического словаря», «Проверка орфограмм по сильной позиции», «Необходимость учёта состава слова при проверке орфограмм слабой позиции», «Проверка орфограмм с помощью родственных слов»*. Таким образом, программа по учебному предмету «Русский язык» для 1 – 4 классов

Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова предполагает в течение второго года обучения изучение правописания различных орфограмм [8], то есть она построена по *орфографическому принципу*. Это обусловлено тем, что анализируемая программа используется в школах с углублённым изучением иностранных языков. Познавая несколько языков одновременно, учащиеся не акцентируют внимание на принадлежности слова к какой-либо части речи, а изучают его написание, определяя как грамматическое, так и лексическое значения отдельных лексем.

Таким образом, анализ действующих в школах Донбасса образовательных программ по учебному предмету «Русский язык» в 1 – 4 классах позволил выявить отличия между изучаемыми темами во втором классе и принципами подачи теоретического материала. Специфика школ, которые внедряют систему Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова определяет целесообразность построения образовательной программы [8] по *орфографическому принципу*. В Примерной программе по учебному предмету «Русский язык». 1 – 4 классы, составленной Г. С. Грабовой, Н. Н. Седовой и Е. Н. Полищук, отдается предпочтение *морфологическому принципу* при изложении материала [7]. Такой подход позволяет учителю в логической последовательности излагать морфологический материал, что способствует развитию логического мышления у детей. Младшие школьники учатся анализировать, систематизировать, обобщать полученные на уроках русского языка знания, классифицировать лексику русского языка по грамматическим категориям, определять грамматическое и лексическое значения слов, сравнивать грамматические значения лексем и их словоформ, выявлять закономерности правописания изучаемых частей речи.

Учитель начальных классов должен творчески подходить к организации учебного процесса, анализировать данные в учебниках упражнения, дополнять их, модифицировать, согласно поставленной задаче. Особое внимание педагогу необходимо уделять анализу теоретического материала, который предлагается в учебниках. Учитель должен сопоставлять орфографические правила из разных источников, адаптировать их для того, чтобы учащиеся могли успешно их усвоить.

Педагог начальной школы определяет методы, приёмы и средства формирования орфографической компетенции младших школьников, исходя из уровня подготовки учеников. Важно помнить о том, что каждый ребёнок имеет свои психофизиологические особенности, поэтому необходимо определять готовность каждого ученика класса к формированию орфографической компетенции посредством диагностического тестирования. Задачи, которые ставит педагог начальной школы, необходимо дифференцировать. Упражнения должны предполагать решение как аналитических, так и синтетических задач, включать образцы их решения, ключи для самопроверки. Учебники по русскому языку для начальной школы должны содержать творческие задания по формообразованию,

словообразованию, моделированию языковых единиц и т.д.

Вариативность содержания образовательных программ по русскому языку обусловлена различными подходами их составителей к решению проблемы формирования орфографической компетенции младших школьников. Формулировка орфографических правил в современных учебниках сложнее для запоминания и воспроизведения учащимися начальной школы, чем в советских учебниках, поэтому педагогу следует творчески подходить к отбору теоретического материала, излагающего орфографические принципы современного русского литературного языка.

Теоретический материал в учебниках по русскому языку для 1 – 4 классов следует подавать дозированно, потому что учащимся начальной школы тяжело воспринимать, обрабатывать, запоминать и воспроизводить объёмный материал. Постепенное цикличное изучение материала младшими школьниками, при котором приобретённые ранее знания закрепляются и расширяются с каждым новым учебным годом, способствует успешному усвоению учениками теоретического материала и последующему эффективному применению на практике приобретенных лингвистических знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный образовательный стандарт начального общего образования. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1OpbupeqZfR4WLvt84kDvHK8IdyQ5wgPI/view> (дата обращения 13.02.2022).
2. Дронова, А.Ю. «Формирование орфографической компетенции у младших школьников на уроках русского языка»: ВКР 44.03.05/ А. Ю. Дронова; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск, 2018. – 55 с.
3. Канакина, В.П. Русский язык. 2 класс. Учеб.Дляобщеобразоват. организаций. 1 ч./ В.П. Канакина, В. Г. Горецкий. – 6-е изд. – Москва: Просвещение, 2016. – 145 с.
4. Канакина, В.П. Русский язык. 2 класс. Учеб.дляобщеобразоват. организаций. 2 ч./ В.П. Канакина, В. Г. Горецкий. – 6-е изд. – Москва: Просвещение, 2016. – 145 с.
5. Львов, М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах : учеб.пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М. Р. Львов, В. Г. Горецкий, О.В.Сосновская. – 7-е изд., стер. – Москва: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с.
6. Плотникова, С. В. и др. Теория и технология начального языкового образования: учебное пособие для студентов Института педагогики и психологии детства / С. В. Плотникова, В. А. Шуритенкова ; Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – 277 с.

7. Примерная программа по учебному предмету «Русский язык». 1 – 4 классы/ сост. Г. С. Грабовая, Н. Н. Седова, Е. Н. Полищук – 5-е изд. перераб., дополн. – ГОУ ДПО «ДонРИДПО». – Донецк : Истоки, 2020. – 254 с.

8. Примерная программа по учебному предмету «Русский язык». 1 – 4классы:для образоват. организаций, внедряющих развивающую систему Д. Б. Эльконина-В. В. Давыдова / сост. Е. В. Разумова, О. П. Федченко, Е. В. Коцарь[и др.] – 4-е изд. перераб. дополн. – ГОУ ДПО «ДонРИДПО». – Донецк : Истоки, 2020. – 82 с.

9. Разумовская, М. М. Методика обучения орфографии в школе : Книга для учителя / М. М. Разумовская – Москва :2000. – 70 с.

10. Рождественский, Н.С. Обучение орфографии в начальной школе / С. А. Рождественский. – Москва: – 2000. – 280с.

11. Сильнова, Э.С. Русский язык: учеб. для 2 кл. общеобразоват. учебн. заведений с обучением на рус. яз. / Э. С. Сильнова, Н. Г. Каневская, В. Ф. Олейник. – Киев: Генеза, – 2012. – 160 с.

T. P. Plachtij

FORMATION OF SPELLING COMPETENCE IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN RUSSIAN LESSONS

The article deals with the problem of the formation of spelling competence among second-grade students in Russian language lessons in elementary school. Such concepts as "spelling competence", "spelling literacy", "spelling vigilance", "spelling skills", "spelling skills" are specified. Some aspects of modern programs and textbooks for the 2nd grade of elementary school in the discipline "Russian language" are analyzed from the point of view of tasks for the formation of spelling competence in younger students.

Keywords: *spelling competence, spelling literacy, spelling dorms, spelling skills, spelling skills, junior schoolboy.*

УДК 81'373.611

В.И. Теркулов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

УСЕЧЕНИЯ: ДЕРИВАТЫ, АББРЕВИАТУРЫ ИЛИ ВАРИАНТЫ СЛОВ

В работе рассматривается явление усечения. На основе сопоставительного анализа ономастологических характеристик усечений и аббревиатур автор приходит к выводу, что усечения являются не аббревиатурами, не самостоятельными словами, а формальными вариантами эквивалентных им простых и сложных слов. К аббревиатурам автор относит,

помимо многокомпонентных сокращений, эквивалентных словосочетаниям, ряд переходных явлений, которые на синхронном срезе языка формально соотносятся с словом, а ономаσιологически – со словосочетанием: вторичные, вторичные (параллельные), эллиптические, обобщённые семантические и уникальные семантические аббревиатуры.

Ключевые слова: аббревиатура, аббревиация, слово, универбализация, усечение.

В связи с возникшей при составлении Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка необходимостью определения рамок аббревиации важное значение приобрела проблема определения деривационного и ономаσιологического статуса так называемых простых «аббревиатур» (усечений), то есть слов, возникших в результате сокращения простых или сложных лексем, например *заведующий* > *зав*, *специалист* > *спец*, *член-корреспондент* > *членкор*, *физкультура* > *физра* (<*физ-ра*) и т.п.

Рассматриваемое явление не получило в лингвистике однозначной трактовки. Единственное, что объединяет большинство исследователей, – это стремление определить простую аббревиацию как деривационный процесс. Расхождение отмечается только в вопросе об её отнесении к тому или иному способу словообразования. Сейчас существует три точки зрения.

В.О. Горпинич, выражая мнение одной части лингвистов, считает, что «в производных этого типа формант имеет все признаки нулевой суффиксации: 1) морфологическое явление усечения производящей основы; 2) нулевой суффикс с значением лица (*зам*, *зав*) и конкретных предметов (*лаб*, *маг*, *рок*); 3) нулевое окончание с грамматическим значением существительного мужского рода (2 скл.). Поэтому логичнее квалифицировать их как нулевую суффиксацию» [3, с. 118]. Если говорить о втором и третьем пунктах аргументации учёного, то мы уже имели возможность высказаться по поводу сомнительности существования такого феномена, как «нулевой аффикс» [21]. В лексемах типа *ход*, *бег*, *раба* и т.п. попросту нет словообразовательных аффиксов, и это является формальным признаком данной разновидности словообразования. Кстати, с тем, что там действительно нет аффикса, имплицитно соглашаются и те, кто основывает свои теоретические построения на признании существования нулевой суффиксации. Например, В.В. Лопатин утверждает, что «в безаффиксных типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, то есть **значимое отсутствие аффикса в основе** (выделено нами – В.Т.)» [10, с. 79]. Позволим себе повторить тот вопрос, который уже звучал в одной из наших статей: так все-таки, есть здесь аффикс, или же его здесь нет? Однако наше отрицание существования таких явлений, как нулевые аффиксы, не отменяет необходимости высказать своё мнение об упомянутой выше концепции деривационной природы простой аббревиации как разновидности безаффиксного способа, к которому

традиционно относят образование слов типа *ход* (<*ходить*>), *бег* (<*бегать*>), *синь* (<*синий*>) и т.п.

Нужно отметить, что усечение производящей основы для безаффиксного способа не является характеризующим признаком. По мнению Г. Марчанда, сущность его состоит «в образовании совершенно отличного слова без присоединения деривационного элемента» [26, с. 293-294]. Другими словами, не усечение основы, а образование слов «от общей основы без каких бы то ни было положительных (не нулевых) словообразовательных аффиксов и других специальных словопроизводительных средств (чередования, акцентные различия), но **только соединением слов с той или другой определенной парадигмой** (выделено нами – В.Т.)» [19, с. 40], составляет сущность данной разновидности деривации. А.И. Смирницкий определяет её как **конверсию**, эквивалентную процессу перехода слов из одной части речи в другую без использования словообразовательных аффиксов в английском языке. С этим можно согласиться: разница между англ. *to run* – *the run* и рус. *бежать* – *бег* состоит лишь в том, что аналитизму различия глагола и существительного (артикл, позиция в синтагме) в английского языке соответствует русский синтетизм этого противопоставления (парадигма словоизменения). Другими словами, различие между английской и русской конверсией обусловлено только различием английского и русского грамматического строя.

Парадигма словоизменения, как известно, указывает на принадлежность словоформ к определенному грамматическому классу. Например, парадигма падежа и числа при неизменности значения рода указывает на его субстантивность, лица – на вербальность и т.д. Изменение парадигмы отражает изменение грамматического значения. Иначе говоря, обязательным условием при конверсии является различие между грамматическим значением производящего и производного слов, например: глагол – существительное (*поджигать* > *поджог*, *обжигать* > *обжиг*), прилагательное – существительное (*синий* > *синь*, *толстый* > *толща*), мужской род – женский род (рус. *раб* – *раба*, *супруг* – *супруга*) и т.д. При усечении же изменения каких-либо грамматических характеристик слова не отмечаются. Например, нет никаких грамматико-семантических различий между *админом* и *администратором*, *клавой* и *клавиатурой*, *членом-корреспондентом* и *член-корром* и т.д. В тех же случаях, когда формальное расхождение парадигм все же существует, оно не подкреплено никакими различиями в грамматической семантике членов аббревиатурной пары и является лишь реакцией на изменение фонетического качества финали. Например, *Инстаграмм* и *Инста* различаются только тем, что первое относится к мужскому роду, а второе – к женскому без каких-либо различий в значении этих единиц, что обусловлено лишь тем, что *Инста* в результате аббревиации стала заканчиваться на *а* – последний звук сокращения полной формы (*Инста-грамм*), который совпал по звучанию с флексией женского рода. Вряд ли это может свидетельствовать в пользу того, что перед нами

безаффиксное словопроизводство и словопроизводство вообще, тем более, что родовая характеристика не является семантически обусловленной – это всего лишь указание на то, в какой форме должна употребляться согласуемая или координируемая с существительным лексема.

Конверсия как словообразовательный процесс закономерно отражает отношения словообразовательной мотивации. Как известно, словообразовательная мотивация предусматривает такую связь между двумя однокорневыми словами, когда значение одного из них «или а) определяется через значение другого<...>, или б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи» [16, с. 133]. Ни одно из этих условий не выдерживается при создании аббревиатур рассматриваемого типа. Например, слово *псих* может употребляться в одинаковых контекстах со словом *психопат*, причём с абсолютно тождественными лексическим и грамматическими значениями и в тождественной синтаксической функции: *он вел себя как настоящий психопат* («больной психопатией»; Им. пад., ед.ч., обст.) – *он вел себя как настоящий псих* («больной психопатией»; Им. пад., ед.ч., обст.). Именно отсутствие признаков словообразовательной мотивации (изменение лексического и/или грамматического значения при переходе от «производящего» к «производному») и не позволяет в данном случае рассматривать такие аббревиатуры в пределах морфологического (аффиксального) способа словообразования. Укажем, что неубедительно в этом отношении звучат слова Т.Р. Кияка: «В особый вариант семантико-морфологической мотивации мы выделяем аббревиатурные образования и <...> считаем, что сокращённые варианты слов или выражений мотивируются их полной формой. Условно назовём это явление опосредованной мотивацией» [6, с. 102]. О семантической мотивации здесь и речи быть не может – перед нами очевидная семантическая тождественность, а формальная мотивация в чистом виде, если о такой можно говорить, характеризует только процесс образования формальных дублетов слова.

Другая группа исследователей относит простые аббревиатуры к так называемому «фонетическому», или «фономорфологическому», словообразованию, при котором «новые слова могут создаваться путем изменения звукового состава словарных единиц, которые существуют в языке» [12, с. 117]. См., например, у М.М. Сегалы: «Аббревиация представляет собой один из видов словообразования, относящийся к фономорфологическому типу, поскольку изменение морфологического состава слова (прототипа) обуславливается изменением его фонетического комплекса, например *omnibus* > *bus*, *doctor* > *doc* и т.п.» [17, с. 280]. Однако с этим утверждением также трудно согласиться, поскольку фонетическое модифицирование, а именно как фонетическое модифицирование необходимо интерпретировать ситуации аббревиации исходного слова, не может быть самодостаточной причиной распада семантического тождества

слова уже потому, что фонемы «различают не содержание (семантику), а звучания слов» [20, с. 112]. Поэтому видоизменение формы является только фактором «искажения» звучания слова, но не возникновения на его базе новой лексемы. «Совершенно неверно, механистично и поверхностно, – писал А.И. Смирницкий, – утверждение того, что будто бы замена [о] в слове **стол** на [у] даёт слово **стул**: такая замена сама по себе является лишь искажением слова **стол**, собственно его звуковой оболочки, но не превращением одного слова в другое» [20, с. 112]. Для того чтобы произошла трансформация одного из формальных дублетов слова в самостоятельную лексему, необходимо, чтобы за ним закрепилось новое значение, отличное от значения других дублетов, – явление довольно редкое, по крайней мере, для простых аббревиатур, и обусловлено оно, скорее, не возникновением новой формы, а реакцией носителей языка на новую форму и стремлением её использовать в новом значении.

Вышеприведённые точки зрения не получили поддержки в научных кругах. Наиболее распространённой сейчас является третья точка зрения, согласно которой усечение является разновидностью аббревиации.

В основе такого подхода лежит утверждение о том, что аббревиацией следует называть любой «произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта» [18, с. 176]. См. также у Е.С. Кубряковой, которая считает, что сущность аббревиации «состоит в **усечении любых линейных частей источника мотивации** (выделено нами – В.Т.), который приводит в результате к появлению такого слова, которое по своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы. Результативная единица такого процесса называется аббревиатурой или аббревиатурной единицей» [8, с. 71].

Эта недифференцированность, базирующаяся на учёте исключительно соотношения формы исходной и производной единиц без установления ономаσιологических связей между ними, находит своё отражение в большинстве дефиниций аббревиации, под которой понимается «способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращённых и **сокращённых образований** (выделено нами – В.Т.)» [4, с. 256), при котором «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания (выделено нами – В.Т.)» [25, с. 8]. Более того, такое определение данного явления / процесса нашло своё отражение и в словарях лингвистических терминов. См., например, в «Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, где аббревиацией признаётся «способ образования слов **от других слов** (выделено нами – В.Т.) или словосочетаний» [15, с. 10]. Точно так же в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой аббревиацией называется способ словообразования, «суть которого состоит в свёртывании стандартного словосочетания (**реже – отдельного слова**) (выделено нами – В.Т.) до слова-синонима» [11, с. 9]. В «Лингвистическом энциклопедическом

словаре», несмотря на то что в самой статье об аббревиации говорится только о сокращениях, возникших на базе словосочетаний и сложных слов, в описании процесса сокращения указывается, что «разновидностью аббревиации является образование (преимущественно в разговорной речи и просторечии) кратких словечек — синонимов более длинных слов: рус. *спец* (*специалист*), *зав* (*заведующий*), англ. *Metro* (*metropolitan*), нем. *Nazi* (*Nationalsozialist*) и т. п. Эта разновидность аббревиации — наиболее старая, к ней также относится образование сокращённых неофициальных (фамильярных) вариантов собственных личных имён, например рус. *Вася* (*Василий*), *Лиза* (*Елизавета*), нем. *Hans* (*Johannes*), *Lotte* (*Charlotte*)» [9, с. 9]. Наиболее полно такой подход сформулировал В.В. Борисов, называвший аббревиацией «одноразовый (без промежуточных ступеней) процесс, в результате которого **из знаменательного слова** (выделено нами – В.Т.) или номинативного словосочетания (являющегося эквивалентом слова) путём опущения некоторых элементов, несущих меньшую информационную нагрузку, образуется новая единица, структурно отличная от исходной, но сохраняющая с нею определённую семантическую связь» [1, с. 84].

Однако наш анализ показал, что сокращённые слова, которые мы вслед за Л.В. Васильченко [2, с. 32], Т.В. Жеребило [5, с. 20] и др. будем называть **усечениями**, формально и ономаσιологически отличаются от слов, возникших на базе словосочетаний.

На первый взгляд, у усечений и аббревиатур больше сходств, чем различий. С одной стороны, как у первых, так и у вторых между производящей и производной единицами реализуются эквивалентностные словообразовательные отношения, при которых «значение производящего и производного совпадают» [23, с. 112]. С другой стороны, как первые, так и вторые возникают в результате сокращения компонентов производящей единицы. Однако с формально-ономаσιологической точки зрения эти единицы различаются принципиально. Если при образовании аббревиатур производящее и производное имеют разный формально-ономаσιологический статус (словосочетание – слово), то у усечений статус исходной и производной единиц тождествен: и в первом и во втором случае перед нами слово. Данное различие может показаться малозначительным, однако и это не так.

В основе аббревиации лежит явление универбализации – ономаσιологически обоснованной трансформации словосочетания в слово, которая проходит в два этапа:

1) в языке возникает устойчивое словосочетание (коллокация), характеризующаяся асимметричным дуализмом: цельная «словная» семантика имеет расчленённое, дескриптивное формальное воплощение.

2) носитель языка осознанно или неосознанно преодолевает этот дуализм, трансформируя словосочетание в слово.

Такая трансформация осуществляется по устоявшимся в языке моделям, само существование которых подтверждает факт системности универбализации.

Если перенести приведённые параметры универбализации на аббревиацию, мы можем предположить для неё такую модель протекания:

1) словосочетание, например *автомобильный лифт*, возникает в связи с появлением нового объекта номинации, в нашем случае – с созданием приспособления для подъёма автомобиля, например для многоэтажных автопарковок;

2) данное словосочетание выступает как аналитическое описание приспособления, которое может быть обозначено одним словом, то есть превратиться из дескриптивной единицы в номинативную;

3) у носителей языка в сознании есть стереотип создания частично сокращённых слов путём замены слова *автомобильный* аббревиационным конструктором *авто*, присоединяемым непосредственно к главному слову словосочетания, что они и делают, заменяя описательную конструкцию *автомобильный лифт* словом *автолифт*.

При усечении ничего такого не наблюдается. Оно может осуществляться как минимум по четырём причинам.

1) Как отмечает Р.Г. Пиотровский, «максимум (пики) информации падают на начало слов, а её минимумы лежат на концах слов (даже в таких флективных языках, как русский)» [14, с. 90], что позволяет попросту сократить длинное слово до начальной части без деформации его значения. Эта абсолютизация начала слова традиционно и происходит при усечении (апокопировании).

2) Очень часто сокращения осуществляются под влиянием ставшего популярным английского языка. Оно может быть либо заимствованием, способным вписываться в русскую систему эквивалентных отношений, например *док* (англ. *doc*), эквивалентное *доктор*, либо усечением по английской модели, например *чел* (=человек).

3) Иногда источником для усечения становится дефисное (диэретическое) графическое сокращение, например *радиостанция* = *ра-ция* = *рация*.

4) Иногда причиной усечения становится «языковая игра», замещающая «длинное» слово сокращением, совпадающим по звучанию с каким-либо словом, например *клавиатура* = *клава*.

Чаще всего пара «слово – усечение» определяется учёными как синонимическая. См., например: «Аббревиация (в нашей терминологии – усечение – В.Т.) используется также в разговорной речи и просторечии для образования сокращённых **стилистически сниженных синонимов** (выделено нами) существительных-неаббревиатур» [16, с. 256]. Однако такая трактовка, на наш взгляд, не подтверждается ни особенностями употребления усечений, ни особенностями их образования. С синхронной

точки зрения усечённая единица отличается от исходной только формально и стилистически. Однако такие различия характеризуют обычно как различия, формирующие отношения вариативности: мы не называем синонимами формально и стилистически различающиеся варианты *кóмпас* – *компа́с*, *ветер* – *ветр*, *ноль* – *нуль* и под. Можно было бы предположить, что формальных расхождений между, например, *хор* и *хорошо* (оценка) больше, чем между *тоннелем* и *туннелем*, но носитель языка достаточно легко обнаруживает исходное материальное тождество этих единиц, а синонимы, напомним, это отдельные, самостоятельные слова, для выделения которых наиболее значимым является всё же фактор материального различия. Не подкрепляется возможность отнесения усечений к синонимам и особенностями их образования. Говорить о синонимии было бы возможно, если бы при продуцировании сокращённых эквивалентов слов возникали новые лексемы, то есть осуществлялся процесс деривации. Однако при деривации производная единица приобретает новый ономаσιологический статус: она либо специализируется на новом значении, либо получает новые формально-ономаσιологические признаки, как это отмечается, например, для аббревиатур, образованных от словосочетаний. При **усечении** же, как это было показано ранее, никаких ономаσιологических различий между мотивирующей и мотивированной единицами нет. Данный процесс обусловлен перечисленными выше исключительно формальными причинами.

Таким образом, ономаσιологическое различие между усечением простого или сложного слова и образованием аббревиатуры на базе словосочетания очевидно. Это позволяет считать усечение и аббревиацию разными процессами.

При усечении осуществляется **формальное варьирование слова**, сродни акцентному (*твóрог* – *творóг*), фонемному (*калоша* – *галоша*) и фонетическому (*красн[ьй]* – *красн[ый]*). В основе этого типа варьирования, действительно, лежит принцип экономии языковых средств, а точнее – языковых усилий.

При аббревиации осуществляется **образование номинативной единицы** из дескриптивной единицы. Принцип экономии языковых средств здесь обеспечен необходимостью абсолютизации нерасчленённой номинативности устойчивого словосочетания.

Подводя итог, приведём утверждение В.Н. Немченко о том, что «усечение основы в подобных случаях <...> не меняет значения исходных, сокращаемых форм и не может рассматриваться как основное словообразовательное средство, а сокращённые образования, т.е. усечённые основы, — как самостоятельные слова; это скорее варианты соответствующих полных (неусечённых) слов (выделено нами. – В.Т.)» [13, с. 107]. О том же писал и Н.М. Шанский: «Все такого рода слова появляются

как вариантные (выделено нами. – В.Т.) и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов» [24, с. 287].

Следует, правда, сказать, что в языке отмечаются и переходные случаи, когда аббревиатура может быть соотнесена одновременно с разными типами эквивалентных единиц (со словом – как усечение, и со словосочетанием – как аббревиатура). Обобщение данных картотеки Толкового словаря сложносокращённых слов позволили выделить пять типов таких гибридных единиц: вторичные, вторичные (параллельные), дублетные композитные, эллиптические и обобщённые аббревиатуры.

Вторичными являются аббревиатуры, возникшие в результате сокращения числа компонентов в уже существующих композитах или аббревиатурах, но имеющие на современном срезе языка **собственные эквиваленты-словосочетания**. Например, слово *авиапрополка* возникло на базе аббревиатуры *авиахимпрополка* – сложносокращённого эквивалента словосочетания *авиахимическая прополка*. Вторичное сокращение здесь «основывается на семантической неактуальности одного из аббреконтруктов исходного сложносокращённого слова. Как известно, *авиационная прополка* может быть только химической. Компонент *хим*, следовательно, в слове *авиахимпрополка* имеет безальтернативное значение и поэтому не выполняет смысловозначительной функции. Его опущение позволяет без искажения смысла сократить данное слово» [22, с. 15]. Позднее на базе слова *авиапрополка* псевдоунивербализационно развёртывается словосочетание *авиационная прополка*. Таким образом, слово *авиапрополка* одновременно соотносимо и со словосочетанием *авиахимическая прополка*, от которого было образовано слово *авиахимпрополка*, и со словом *авиахимпрополка*, и со словосочетанием *авиационная прополка*.

Исходные для вторичной аббревиации единицы включают в свою структуру более двух конструктов. Общей тенденцией здесь является обусловленная всё тем же стремлением к языковой экономии тенденция к преобразованию их в двухкомпонентные. Например, в слове *автогидроподъёмник* отмечается три конструкта: *авто-*, *-гидро-* и *подъёмник*. В эквивалентных текстах из корпуса Толково-эквивалентностного словаря отмечается замена этого слова словом *автоподъёмник*: *Автогидроподъёмник АР-18.07 базируется на шасси ЗИЛ-433362 – Автоподъёмник АР-18.07 на шасси ЗИЛ-433362 (кабина 3-х местная) – Как и другие телескопические автоподъёмники, АР-18.07 хорошо работает в условиях городской застройки* (<http://www.arsenal2.com.ua/index.php?MainShowID=10>). При этом на основе слова *автоподъёмник* псевдоунивербализационно формируется словосочетание *автомобильный подъёмник*: *Перед тем, как купить автоподъёмник, определитесь в каком помещении Вы его будете использовать, какой должна быть грузоподъёмность и для какого типа ремонта будете использовать – В зависимости от этих характеристик*

выбирайте тот **автомобильный подъёмник**, который Вам нужен (<https://stankom.net.ua/podiemniki>). Несмотря на то, что с точки зрения диахронии рассматриваемое слово образовалось не вследствие универбализации и поэтому не может считаться аббревиатурой, с точки зрения синхронии оно имеет однозначно статус аббревиатуры, поскольку у него есть отмечаемый в текстах эквивалент-словосочетание, возникший в результате псевдоунивербализации, то есть развёртывания вторичных эквивалентных словосочетаний путём покомпонентной дешифровки аббревиатуры.

Более сложен вопрос о словах, которые мы называем **вторичными (параллельными) аббревиатурами**. Эти лексемы сохраняют количество конструкторов прототипного словосочетания, но при этом реализуют альтернативные виды его сокращения, что приводит к возникновению аббревиатурной триады: частично сокращённое слово – слоговая аббревиатура – инициальная аббревиатура. Например, частично сокращённому слову *артдивизия*, эквивалентному словосочетанию *артиллерийская дивизия*, соответствует слоговая аббревиатура *артдив* и инициальная *АД*¹. Очень сложно определить, что явилось с точки зрения диахронии источником для аббревиации во всех этих случаях – частично сокращённое слово или словосочетание. Но с точки зрения синхронии мы можем однозначно считать эти единицы аббревиатурами, поскольку в эквивалентных текстах отмечается их трактовка через эквивалентные словосочетания: *артдивизия* = *АД* = *артиллерийская дивизия*: *Боевые качества и моральный дух личного состава 17 артдивизии, стойкость бойцов и умение командиров проявились в дни с 18 по 22 августа – Последнее место службы 17 АД (артиллерийская дивизия) – 17-я артиллерийская дивизия была сформирована в марте 1943 в Московской области в городе Коломне (<https://www.litprichal.ru/work/119277/>); *артдив* = *артиллерийская дивизия*: *Командиру 58 мсбр с получением настоящего немедленно маршем вывести бригаду в район Михайловка, Андреевка, лес севернее х. Сторожевое, выс. 245.8 и занять оборону на рубежах двумя мспб с двумя батареями артдива на рубеже (иск.) Васильевка, выс. 241.6, ж/дорога – К началу операции «Цитадель» 2 тк СС был подчинен 4ТА группы армий «Юг» и состоял из трех моторизованных дивизий СС: «Мертвая голова», «Дас райх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (далее соответственно: дивизии «МГ», «Р» и «ЛАГ»), был усилен пехотным полком 167 пд и 55-м минометным полком (мп) 3-й артиллерийской дивизии .**

Следует отличать вторичные и вторичные (параллельные) аббревиатуры от **усечений сложных слов**, не подкреплённых эквивалентными словосочетаниями, например *член-корр* (*член-корреспондент*) и *ЭКГ* (*электрокардиограмма*). В этом случае не отмечается процесса

---

¹ Не всегда все позиции триады заполняются. Например, для слова *автокомбинат* отмечается только инициальный эквивалент *АК*, а для слова *автобатальон* – только слоговой эквивалент *автобат*.

универбализации, не возникают новые номинативные единицы, что и не позволяет считать данные лексемы аббревиатурами и самостоятельными словами: это усечённые дублеты композитов.

В некоторых случаях сокращённые слова, формально эквивалентные одному простому (не композиту и не аббревиатуре) слову, всё-таки могут трактоваться как аббревиатуры. Это возможно тогда, когда аббревиация происходит в рамках **семантической** универбализации – при эллиптическом и обобщённом сокращении исходных единиц.

Эллиптическими называются аббревиатуры, которые семантически эквивалентны какому-либо словосочетанию целиком, а формально соотносятся только с одним из его компонентов, например *противогаз*, образованное в результате сокращения словосочетания *противогазовая маска*, *регресс*, образованное от словосочетания *регрессная выплата* и другие. Эллиптические сокращения **являются** аббревиатурами, поскольку в языке обнаруживаются эквивалентные им словосочетания: *Немало людей также интересуется вопросом, как оформить регресс по профзаболеванию – Регрессные выплаты работнику назначаются только после того, как был подтверждён факт частичной или полной потери трудоспособности из-за развития профзаболевания* (http://san-knizhka.ru/medicinskaya_komissiya/profzabolevanie.html).

В ряде случаев сокращённый компонент, усечённое слово равно абброконструкту, например *зам*, которое совпадает в звучании с абброконструктом *зам*. Обычно образование таких слов происходит в результате сокращения до абброконструктов лексических аббревиатур. Как пишет С.М. Климович, «вполне логично, что усечение вроде *зав*, *спец* исторически возникли не после непосредственного сокращения слов *заведующий*, *специалист*, а в результате лексикализации компонентов соответствующих собственно-аброморфемных и аброморфемно-словесных аббревиатур: *завкафедрой* > *зав*, *военспец* > *спец*. По нашим наблюдениям, употреблению анализируемых компонентов в составе абброобразований предшествовало их контрактурное функционирование. То есть, связь *зав* – *заведующий*, *спец* – *специалист* исторически не прямая, а опосредованная» [7, с. 43]. Перед нами вполне очевидный факт вторичной аббревиации, но, в отличие от описанных нами выше ситуаций сохранения «аббревиатурности» у вторичных и вторичных параллельных) аббревиатур, отаббревиатурные усечения сохраняют только один из компонентов исходного слова и становятся похожими на усечения, что провоцирует возникновение вопроса о возможности рассмотрения их в ряду аббревиатур.

Наше исследование показало, что такие сокращения возникают как минимум по двум моделям.

Первая модель отмечает случаи, когда такие слова эквивалентны не одному, а нескольким аббревиатурам. Например, слово *зав* может быть эквивалентно не только слову *завкафедрой*, но и словам *завотделом*,

завлабораторией и под. Оно возникло в результате вторичного сокращения лексических аббревиатур, но является эквивалентами не одного, а целого ряда однотипных слов. Такие слова мы называем **обобщёнными семантическими аббревиатурами**. При этом каждая из таких единиц имеет опосредованно через «полные» аббревиатуры эквивалентные словосочетания, например: *Замначальника ДГАИ Ершов - создатель нелегального бизнеса частных штрафплощадок – Заместителем начальника Департамента ГАИ МВД Украины назначен полковник Александр Ершов – Потому, не удивительно, что Сиренко назначил Ершова своим **замом*** (<https://antikor.com.ua/articles/35637-novuj-zamnachaljnika-gai-aleksandr-ershov-nedoljustrirovannyj-papa-mafii-s-o-shtrafploshchadok>). Это позволяет считать такие единицы аббревиатурами, возникшими в результате обобщённой семантической универбализации. Вторичные аббревиатуры данного типа могут иметь большое количество эквивалентных первичных аббревиатур, например *пед* (она училась в *пед*): *педуниверситет, пединститут, педучилище, педвуз, педтехникум, педколледж*.

Вторая модель чаще всего реализуется при образовании окказиональных слов и представляет собой вторичное усечение до простого слова не аббревиатурного ряда, а отдельных аббревиатур. Например, слово *мульти* возникло на базе слова *мультифильм* и опосредованно через него эквивалентно словосочетанию *мультипликационный фильм*: *Мультифильм «Вверх» – полнометражный мультипликационный фильм – Самый крутой мульти!* (gidonline.in/film/vverx/) Такие единицы мы называем **уникальными семантическими аббревиатурами**.

Итак, усечения, возникшие на базе простых и сложных слов, являются как формальными дублетами полных наименований. Они должны рассматриваться не как словообразовательные явления, а как выразители речевой комбинаторики слова. К аббревиатурам всё же следует отнести ряд переходных явлений, которые на синхронном срезе языка формально соотносятся с словом, а ономаσιологически – со словосочетанием: вторичные, вторичные (параллельные), эллиптические, обобщённые семантические и уникальные семантические аббревиатуры. В дальнейших работах мы предполагаем представить модели образования аббревиатур переходного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.

2. Васильченко Л. В. Некоторые особенности функционирования усеченной аббревиатурного типа / Л. В. Васильченко // Вопросы русского словообразования. – Алма-Ата, 1982. – С. 32–36.
3. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфонологія : навч. посібник [для студ. філол. спец. вищих закл. освіти] / В. О. Горпинич. – К. : Вища школа, 1999. – 208 с.
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. редактор Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
6. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц / Т. Р. Кияк. – Львов : Изд-во ЛГУ, 1988. – 163 с.
7. Клімович С. М. Структурно-семантичні типи аброутворень в українській мові : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / С. М. Климович. — Запоріжжя, 2008. — 224 с.
8. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений / Е.С. Кубрякова – М.: Наука, 1981. – 200 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В. И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Лопатин В. В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 76–82.
11. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
12. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование : пособие [для филолог. спец. ун-тов] / В. Н. Немченко. – М. : Высшая школа, 1984. – 255 с.
13. Немченко В. Н. О понятии усечения основы слова / В. Н. Немченко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Филология. – 2000. – № 1. – С. 100–110.
14. Пиотровский Р.Г. Информационно-статистические параметры языка / Р.Г. Пиотровский // Проблемы языкознания. – Москва, 1967. – С. 89-91.
15. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 624 с.
16. Русская грамматика : в 2-ух тт. / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука 1980. – Т.1. – 784 с.
17. Сегаль М. М. Аббревиатуры в современном английском языке / М. М. Сегаль // Вопросы английской филологии : сб. научн. трудов. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1962. – С. 216–288.
18. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2-х ч. – Ч. II. – СС. 174–179.

19. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя : сб. научн. трудов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 11–53.
20. Смирницкий А. И. Значение слова и его семантика / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 112–116.
21. Теркулов В. И. О средствах выражения падежного значения (к проблеме “нулевой” флексии) / В. И. Теркулов // Филологические исследования : сб. научн. трудов. – Донецк : Юго-восток, 2004. – Вып. 6. – С. 262–271.
22. Теркулов В. И. К типологии эквивалентности «сложносокращенное слово – словосочетание» / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2015 г.) : Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь : ООО «Антиква», 2015. – С. 6–18.
23. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2009.
24. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М.: МГУ, 1968. – 312 с.
25. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках : структурный, семантический и функциональный аспекты : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 480 с.
26. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation / H. Marchand. – Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1960. – 360 p.

V.I. Terkulov

REDUCTIONS: DERIVATIVE WORDS, ABBREVIATIONS OR WORD VARIATIONS

The scientific study deals with the phenomenon of reduction. On the basis of a comparative analysis of the onomasiological characteristics of reductions and abbreviations, the author comes to the conclusion that reductions are neither abbreviations nor independent words, but formal variations of their equivalent simple and complex words. To the number of abbreviations, the author attributes, apart from multicomponent abbreviations, which are equivalent to phrases, a range of transitional phenomena. They formally correlate with the word at the synchronous section of the language, and onomasiologically they correlate with the phrase: secondary, secondary (parallel), elliptical, generalized semantic and unique semantic abbreviations.

Key words: abbreviation word, abbreviation, word, univerbalization, reduction.

КОРРЕЛЯЦИИ СЕМАНТИКИ ДЕЙКТИЧНОСТИ, ИНТЕНСИВНОСТИ, НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Статья посвящена сравнительному анализу способов выражения значений дейктичности, интенсивности, неопределенности в русском, украинском и английском языках. Использованный эмпирический материал свидетельствует о корреляции семантики дейктичности и интенсивности (множественности), множественности и неопределенности. Основой для анализа слов, совмещающих значение дейктичности и интенсивности, является позиция говорящего (деятель / наблюдатель).

Ключевые слова: семантика, дейктичность, интенсивность, неопределенность, позиция говорящего.

Связь неопределенности и множественности, множественности и дейктичности отмечали и описывали многие лингвисты: Ю. Д. Апресян, О. Н. Ляшевская, И. К. Марковский, Д. И. Руденко, Е. В. Рахилина, В. В. Химик, А. А. Холодович и др.

Согласно Е. В. Рахилиной [4, с. 33], вся лексическая множественность, которая в значении большого количества образована либо от названий больших пространственных объектов, либо от названий движущихся больших масс, по неполной грамматикализации является дейктической, то есть сохраняет в своей семантике идею говорящего / наблюдателя и его места в пространстве рядом с этой множественностью.

М. М. Копыленко отмечает, что при соответствующем интонационном оформлении местоименное числительное *сколько* не обозначает неопределенное количество единиц, а только указывает на нее: *Столько десятилетий им везло, каждый раз перед ними уходила вода из Сиваша, неужели попустит Бог и теперь?* (Солженицын) [1, с. 89].

Предметом рассмотрения в данной статье являются слова (различной частеречной принадлежности: местоимение, наречие, числительное, частица, предлог, союз) в русском, украинском и английском языках, способные реализовать значения дейктичности, интенсивности (множественности) и неопределенности. В зависимости от реализуемого значения меняется и принадлежность к части речи одного слова, что фиксируется словарями и справочниками.

Приведем примеры реализации значения дейктичности, множественности (интенсивности), неопределенности некоторыми

«незнаменательными» словами, используемыми для выражения самых разнообразных отношений, в сопоставительном аспекте.

Рус. **КАКОЙ**, укр. **ЯКИЙ**, англ. **HOW** употребляются со значениями:

1) дейктивности: *который рядом*, укр. *який краще*; англ. *Tell him how to do it* (Скажи ему, как это сделать);

2) интенсивности (преимущественно в восклицательных предложениях): **Какое счастье! Какой негодяй!**; укр. **Яка широчінь! Яка далеч!** (Нечуй-Левицкий). В украинской разговорной речи для обозначения большого количества предметов в функции наречия употребляется форма среднего рода: укр. **Якого пісень славних вона співала, якого казочок потішних вміла...** (Марко Вовчок). В английском: **how clever he is!** (какой он умный!), **It was a swell party, and how!** (Это была шикарная вечеринка, даже очень!);

3) неопределенности, ‘какой-нибудь’: *Небылицей какой посмеши; А не будет ли какого замечания по части почтового управления?* (Гоголь). Семантика неопределенности отмечена в конструкциях *какой (ни на) есть* ‘какой угодно, любой’, *какой такой* (о ком-, чём-нибудь совершенно неизвестном): *Пришёл Иванов. Какой такой Иванов?* В украинском языке в качестве частицы употребляется для подчеркивания неопределенности, примерной степени чего-либо: укр. *Зимою можна хурманкою заробити якого карбованця...* (Коцюбинский); *Через який час увіходить і отець схимник* (Тесленко).

Рус. **ЧТО**, укр. **ЩО**, англ. **WHAT** могут употребляться со значением:

1) дейктивности: рус. *то что надо*, укр. *те що треба*, англ. *I want to do what I can* (Я хочу делать то, что могу); *I don't like what you say* (Мне не нравится то, что вы говорите);

2) интенсивности: рус. **уж на что красиво! Что сил потрачено! Что народу собралось!** В украинском языке в значении ‘очень много, большое количество’: **Що там срібла, золота! А що вже женихів було, Боже мій милий!**, в значении ‘очень, сильно’: **Що вже тоді назнуцались з його досхочу, що наштотхались!** (аналогично до чего: *До чего смачно!*); англ. **What an interesting book it is!** (букв. Что за интересная это книга!), **What awful weather!** (Что за ужасная погода!). Отметим, что в украинском языке префикс наивысшей степени сравнения прилагательных и наречий (най-) может усиливаться с помощью *що-*, *як-*, например: **щонайбільший, щонайкращий, якнайдалі, якнайдовше.**

3) неопределенности: рус. разг. *Может, что купить?*; укр. *Не пожалій лиш золотого для Феба світлого, ясного, та і мені що перекинь* (Котляревский); *Чи було що з пошти?* (Коцюбинский). В английском языке значение неопределенности *what* может реализовать как формант слов: *whatever* ‘что-нибудь’: *Take no repulse, what euer she doth say* (Не сопротивляйся, что бы она говорила), *or whatever* ‘или что-то в этом роде’, *whatsoever, I woll not de displeased whatsoever thou sayest* (Я разочаруюсь, что бы ты не сказал), *whatso* ‘что-то’ и др.

Отметим в этой связи созвучное рус. *вот*, также совмещающее значение дейктивности и интенсивности: *вот дом – вот здорово!*

Рус. **ТАКОЙ**, укр. **ТАКИЙ**, англ. **SO / SUCH** могут употребляться со значением:

1) дейктивности (указывает на свойство личности, качество предмета): *Садись **такой**, как ты есть. Не принаряжайся* (Пастернак); укр. *В **таку** добу під горою, біля того гаю...* (Шевченко); англ. *think **so*** (думать так), *let it be **so*** (пусть будет так), ***such** was the result* (таким был результат);

2) интенсивности: рус. ***Такая** досада берет; Белолица, черноброва, нраву кроткого **такого*** (Пушкин) – слово *такой* в позиции после прилагательного или существительного со значением качества усиливает степень качества; *Там **такой** материал! Это, брат, **такая** девица!* (Гоголь) – в разговорной речи в восклицательных предложениях указывает на чрезвычайность. В украинском: *Йі-богу, я й досі дивуюсь, що **таке** молоде, та **таке** сміле* (Кулиш); *І куди ти, сину, підеш по **такому** холоду* (Мирный). В английском: *a fish **so** big* ‘вот такая рыбина’; *I’m **so** glad to see you* (Я так рад тебя видеть); *don’t be in **such** a hurry* (не торопись так), *This issue was of **such** importance that we could not afford to ignore it* (Этот вопрос был настолько важен, что мы не могли игнорировать его);

3) неопределенности: в конструкции *что за ... такая*: ***Что** за притча **такая**? Вот, право, история!* (Гоголь); укр. *Ви не спите, мамо? – Ні, сину .. усе думки **такі** лізуть у голову* (Мирный). Как наречие употребляется слово *такого* в украинской разговорной речи со значением ‘большое количество кого-, чего-нибудь’: *А це по правді, що один має **такого** землі, що й за день не об’їдеш...* (Коцюбинский); англ. *such-and-such*.

Рус. **КАК**, укр. **ЯК**, англ. **HOW** употребляются со значением:

1) дейктивности: *даже **такой** глупец, как я, понял*; укр. *смачно **як** завжди!*; англ. *I’ll do business **how** I like* (Я буду вести дела так, как мне нравится);

2) интенсивности: рус. ***как** долго (длится занятие), **как** голова болит*; укр. ***Як** хороше, **як** весело на білім світі жити!*; англ. ***How** seldom we meet!* (Как же редко мы встречаемся!) ***How** funny!* (Как забавно!) разг. *and how* ‘ещё бы, очень даже’: ‘*Pretty,*’ said Julia. ‘*And how.*’ (Хорошенькая, – сказала Джулия. – Даже очень.)

3) неопределенности (‘как-нибудь’) в просторечии: *Нельзя ли **как** помочь бедняге? Нельзя ли **как** подешевле?*

Рус. **ТОТ**, укр. **ТОЙ**, англ. **THAT** реализуют значения:

1) дейктивности: *Не **тот** хорош, кто лицом пригож, а **тот** хорош, кто на дело гож*; укр. *он той хлопец*; англ. *that day* (тот день);

2) интенсивности: рус. *тот / та ещё*; *Сегодня он **до того** устал*; укр. *Пошук роботи – **та ще робота!***; англ. *I did not take him **that** seriously* (Я не воспринимала его так серьезно);

3) неопределенности: (в конструкциях) *то-сё, то да сё*: *Я столько слышал о вас того-сего, Что познакомиться давным-давно желаю* (Лермонтов); укр. *ні се ні те; ні те ні се*; англ. *and that* 'и так далее, и тому подобное'.

Рус. **ТАК**, укр. **ТАК**, англ. **SO** реализуют значения:

1) дейктивности: *если весело живется, делай так*; укр. *Ручками – ось так, ніжками – ось так*, англ. *do so* (делать так);

2) интенсивности: рус. *Это было так трудно! Зачем вы сегодня так обворожительны*; укр. *Ти так чекала на весну*; англ. *so terrible* (так страшно), *so necessary* (так необходимо), *She is so beautiful* (Она так красива);

3) неопределенности: рус. *(а почто пришла?) да так*; англ. *and so on, and so forth* (и так далее, и тому подобное), укр. *так чи інак*, англ. *or so* (или что-то около того).

Рус. **СКОЛЬКО**, укр. **СКІЛЬКИ** реализуют значения:

1) дейктивности (при общем указании на количество): рус. *ешь, сколько хочешь*; укр. *бери, скільки треба*;

2) множества, интенсивности (обычно в восклицательных предложениях): *Сколько звуков, сколько песен раздалось вновь во мне!* (Кольцов) *Во скольких городах побывал! Скольким людям он помог!*; укр. *скільки ж ранків я проспав!*

В английском языке эквиваленты *how much, how many* употребляются только в функции оформления вопроса.

Рус. **СТОЛЬКО**, укр. **СТІЛЬКИ**.

1) дейктивности: *Минимальный платеж – столько нужно, чтобы не было просроченных платежей*; укр. *Саме стільки риби потрібно, щоб очистити водойму*;

2) множества, интенсивности: *Вы уж и так столько для меня сделали*; уст. *Столько я благодарен вам за вашу тетрадку*; укр. *Йому стільки довелося пережити; від атмосферних опадів стільки галасу* (Издрик); англ. *so many books* (так много книг);

3) неопределенности: *Сколько нужно? – Сколько будет; столько-то*; укр. *стільки-то*.

В зависимости от значения эквивалентами в английском языке будут: *so much / many*, ориентированные на разграничение исчисляемых и неисчисляемых объектов.

Рассмотренные конструкции, совмещающие значение дейктивности и интенсивности, позволяют поставить вопрос, во-первых, о причине такой двойственности, и, во-вторых, о специфике их толкования. А. А. Реформатский считал, что значение местоимений всецело определяется ситуацией общения: «Местоимения – это слова-указания, они не значат, а указывают на значимое... слова ситуационные, т.е. их значение определяется знанием ситуации речи; если собеседник знает, кто говорит, кому говорит, где говорит и когда говорит (а также то, что было до этого разговора и в

результате чего этот разговор возник), то он сможет реально понять предложение – Я тебе сейчас это говорю» [5, с. 59-60]. Попробуем ответить на поставленный нами вопрос, учитывая позицию говорящего: совпадает ли она с позицией наблюдателя или деятеля, учитывая, что с точки зрения смысла то или иное местоимение, как правило, семантически определяется по отношению к ‘я’, субъекту [3, с. 179]. Отметим возможность толкования позиции говорящего в аспекте ориентации на его сопричастность сообщаемому, ситуации общения либо дистанцированность – интерпретацию значений с позиции деятеля и наблюдателя. Ср., например, объяснение наличия «граничного» и «тотального» значений слова *все*: «Граничная семантика слова *все* (*Все, я туда больше не пойду*) конструируется позицией деятеля; целостная (*Все цветет*), наоборот, позицией наблюдателя» [2, с. 37–38]. Аналогично *вообще* ‘полностью’ (конструируется позицией наблюдателя) и разг. *Ну это вообще уже!..* ‘предел’ (позиция деятеля)

В одинаковых выражениях типа рус. *куда ближе* позиция деятеля обуславливает вопрос или указание на место, а позиция наблюдателя – оценку, проявление количественного аспекта, аналогично *такая девушка* – с позиции деятеля возможно либо указание, либо вопрос (речь идет об установлении соответствия), а с позиции наблюдателя – оценка: ‘очень хорошая’. Очевидно, в предложении *Как долго я не видел тебя* – “как долго” это ‘очень долго’, оценка давности собственных действий, позиция наблюдателя. А в *как долго будешь ждать?* – “как долго” это ‘насколько долго’, ‘сколько’, и здесь возникает необходимость установления соответствия действий возможной ситуации, говорящий солидарен с собеседником. О двойственном истолковании может идти речь только в русском и украинском языках, где возможен свободный порядок слов (см. Табл.1). Однако совмещение рассматриваемых значений иллюстрируют примеры выборки трех анализируемых языков (см. Табл.2).

Таблица 1

Обусловленность значения высказываний позицией говорящего

Активная позиция говорящего (деятель)	Инактивная позиция говорящего (наблюдатель)
<p>Констатация факта действительности, указание на него (дейктичность) <i>Та задача (была сложной)</i></p>	<p>Оценка факта (интенсивность) <i>Та еще задача! (очень непростая)</i></p>
<p>Ментальное пребывания говорящего в пределах ситуации общения (сопричастность) (неопределенность) <i>Что задали? – Та... задача.</i></p>	<p>Ментальное дистанцирование говорящего от сообщаемого – как условие оценки</p>

Высказывания *какая любовь, какая грусть, какая боль, какой ужас* выявляют отношение говорящего к чувствам других людей либо своих собственных с точки зрения их оценки. Позитивная либо негативная оценка может быть дана одному и тому же высказыванию, например, *какой человек* – ‘очень хороший или совсем негодный’, *какой день* в зависимости от интонации может иметь значение и замечательного, и ужасного.

Таблица 2

Реализация значений дейктичности, интенсивности и неопределенности местоимениями, наречиями, частицами, предлогами в русском, украинском и английском языках

Позиция говорящего	Инактивная позиция говорящего (наблюдатель)	Активная позиция говорящего (деятель)		
		Значение		
		Интенсивность	Неопределенность	Дейктичность
Примеры	1	2	3	4
рус. <i>как</i> укр. <i>як</i> англ. <i>how</i>	<i>Как хорошо!</i> <i>Як добре!</i> <i>How funny!</i>	<i>Нельзя ли как помочь бедняге?</i>	<i>Как у брата</i> <i>Як у брата</i> <i>Tell him how to do it.</i>	
рус. <i>какой</i> укр. <i>який,</i> англ. <i>so / such</i>	<i>Какая ночь!</i> <i>Яка широчінь!</i> <i>Яка далеч!</i> <i>I'm so glad!</i>	<i>Небылицей какой посмеши.</i> <i>Приносить який дядько сокиру або долото.</i> <i>such-and-such</i>	<i>Какой ближе</i> <i>Який ближче</i>	
<i>Продолжение таблицы 2</i>				
1	2	3	4	
рус. <i>сколько</i> укр. <i>скільки</i>	<i>Сколько лет, сколько зим!</i> <i>Скільки разів казала!</i>	<i>Сколько будет</i> <i>Скільки стане</i>	<i>Сколько нужно (получите)</i> <i>Скільки треба (отримаєте)</i>	
рус. <i>столько</i> укр. <i>стільки</i>	<i>Ему столько пришлось пережить</i> <i>Йому стільки довелося пережити.</i>	<i>Столько-то</i> <i>Стільки-то,</i>	<i>Столько</i> <i>Стільки</i>	

<p>рус. что укр. що англ. what</p>	<p><i>Что денег у них!</i> <i>Щодуху, щосили</i> <i>What a pity!</i> <i>What a beautiful house!</i></p>	<p><i>Может, что помочь / купить.</i> <i>Whatever, or whatever</i></p>	<p><i>То, что надо Те, що треба</i> <i>I know what to do</i></p>
<p>рус. так укр. так англ. so</p>	<p><i>Так цікаво!</i> <i>Так інтересно!</i> <i>Don't look so angry. We have so much to do.</i></p>	<p><i>К чему вы это? – Так.</i> <i>– Да так.</i> <i>Так собі справа</i> <i>So-so. A day or so.</i></p>	<p><i>Робіть так</i> <i>Делай так</i> <i>I don't think so</i></p>
<p>рус. такой укр. такий англ. such</p>	<p><i>такая девица!</i> <i>Таке молоде, та таке сміле!</i> <i>This issue was of such importance ...</i></p>	<p><i>Что за книга такая.</i> <i>... усе думки такі лізуть у голову.</i> <i>Such-and-such</i></p>	<p><i>В такое время</i> <i>В таку добу</i> <i>Such was the result</i></p>
<p>рус. ничего укр. нічого</p>	<p><i>Ничего себе!</i> <i>Она ничего себе жєнщина.</i> <i>Нічого собі!</i></p>	<p><i>(Ты чего?) – Я ничего.</i> <i>(Ты чого?) – Нічого</i></p>	<p><i>Ничего здесь нет.</i> <i>Тут нічого!</i></p>
<p>рус. до того укр. до того англ. that</p>	<p><i>Я до того устал. До того все надоело.</i> <i>Я до того втомився.</i> <i>I did not take him that seriously.</i></p>		<p><i>До того берега</i> <i>До того берега</i> <i>That coast</i></p>
<p>рус. через укр. над англ. over</p>	<p><i>чрезмерный, чересчур</i> <i>надзвуковий, overload,</i> <i>overconfident; above and over</i></p>		<p><i>Через дорогу</i> <i>Над будинком</i> <i>To be over the fire.</i></p>

Данные таблицы иллюстрируют корреляцию значений дейктичности и интенсивности и на уровне предлогов (префиксов): рус. *через*, укр. *над*, англ. *over*.

Изменение позиции говорящего объясняет и семантические отличия между высказываниями со словом *сколько*: *Сколько стоит? – Сколько лет, сколько зим!* Позиция деятеля соотносима с указанием количества (дейктичностью), констатацией количественного аспекта предмета или явления либо запроса о нем: ‘какое количество: большое или малое’, ср. в английском: *How much are those earrings = What do they cost?*, где *how much = what*. Позиция недеятеля, соответственно – с количественной и качественной оценкой последнего – ‘много, очень’. Показательным в данном случае будет сопоставление с английским языком, когда при переводе рус. *сколько* имеем прямое указание на количество *much*: *Сколько человек ни имеет, ему все мало. – Much will have more.*

Таким образом, реализация значений дейктичности, интенсивности (множественности), неопределенности рассмотренными словами, обладающими высокой подвижностью значений и зависимостью от контекста, способных выступать в роли различных частей речи, служит еще одним подтверждением связи анализируемых значений, а толкование семантики посредством обращения к позиции говорящего объясняет наличие значений дейктичности и интенсивности в слове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копыленко М. М. Средства выражения количества в русском языке / М. М. Копыленко. – Алма-Ата : Евразия, 1993. – 184 с.
2. Луценко Н. А. Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя) / Н. А. Луценко. – Донецк : ДонНУ, 2003. – 202 с.
3. Луценко Н. А. К формированию функциональной парадигмы славянских местоимений / Н. А. Луценко // Филология в пространстве культуры: сб. научн. трудов / Ред. кол. В. М. Калинин (отв. ред.) и др. ; Донец. нац. ун-т. – Донецк : Юго-Восток, 2007. – С. 179–188.
4. Рахилина Е. В. Семантика лексической множественности в русском языке / Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 13–40.
5. Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. / А. А. Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
6. *СРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Гл. ред. В. И. Чернышев АН СССР, Ин-т рус. языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1950–1963: – Т.3. – 1954. – 1339 с.; Т.8. – 1959. – 1840 с.; Т.13. – 1962. – 1516 с.; Т.15. – 1963. – 1286 с.

7. СУМ – Словник української мови: В 11 т. / Редкол. : І. К. Білодід (голова) та інші АН УРСР. – К. : Наук. думка, Т.2. – 1971. – 550 с.; Т.5. – 1974. – 840 с.; Т.10 – 1979. – 658 с. – Т.11. – 1980. – 699 с.

8. Электронный словарь АБВУУ Lingvo x3 [Электронный ресурс] : Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006 – © HarperCollins Publishers 1979, 1986, 1991, 1994, 1998, 2000, 2003, 2005, 2006 ; New Oxford American Dictionary, 2nd Edition. © 2005. – Oxford University Press, – АБВУУ Software, 2008.

E. A. Titarenko

THE CORRELATION AMONG THE MEANINGS OF DEICTICITY, INDETERMINACY AND INTENSITY

The paper deals with the analysis of similar representation for deicticity, indeterminate and intensive word meanings in the Russian, Ukrainian and English languages. The material used reveals the correlation between the deicticity and intensity, plurality and indeterminacy. The analysis of different semantic constructions interpretation is based on the speaker's attitude (agent / spectator).

Key words: semantics, deicticity, intensity, indeterminacy, speaker's attitude.

УДК 811.161.1

А.О. Халабузарь

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

РЕЛЯТИВНЫЕ ДЕШИФРОВАТЕЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВИА»

Работа посвящена описанию системы релятивных дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авиа». Автором определены понятия «сложносокращённый апеллятив», «абброконструкт», «аббревиатурная группа», «дешифровальный стимул», «дешифровальный токен», «дешифровальная лемма», установлены отличия релятивного дешифровального стимула от других типов дешифровальных стимулов, представлены формальные и ономазиологические модели использования релятивных дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авиа».

Ключевые слова: релятив, дешифровальный стимул, сложносокращённый апеллятив, аббревиатура, формальная модель, ономазиологическая модель.

Целью предлагаемой статьи является описание системы релятивных дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авиа». Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить понятия

«сложносокращённый апеллатив», «абброконструкт», «аббревиатурная группа», «дешифровальный стимул», дешифровальный токен», «дешифровальная лемма»; 2) установить отличия релятивного дешифровального стимула от других типов дешифровальных стимулов; 3) представить формальные и ономаσιологические модели использования релятивных дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авиа». Актуальность данной темы обусловлена необходимостью определения моделей формирования системы дешифровальных стимулов аббревиатурной группы для прогнозирования эквивалентных отношений в аббревиатурных группах, описываемых в Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка, который создаётся Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета.

Материалом для нашего исследования являются сложносокращённые апеллативы, входящие в аббревиатурную группу «авиа». Сложносокращёнными апеллативами мы называем «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [Теркулов 2020, с. 104], например *авиагорючее – авиационное горючее, авиадивизия – авиационная дивизия, авианалёт – налёт авиации* и т.п.

Сложносокращённые апеллативы включают в свой состав абброконструкт, который определяется как «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [Теркулов 2017, с. 74]. В нашем случае это абброконструкт *авиа*, который, как показали наши исследования, является эквивалентом 107 слов и словосочетаний, таких, например, как *авиационный, авиатехнический, авиаметеорологический, авиакосмический, авиация, авиамодель, авиадвигатель, с помощью авиации, авиационных запчастей* и т.п. (см. об этом [Халабузарь 2020]). Кроме простого абброконструкта *авиа-*, в рассматриваемой нами группе отмечаются и составные абброконструкты, то есть «единицы, обладающие членимым многокомпонентным составом, соотносящиеся сразу с несколькими компонентами связанного с ССС словосочетания» [Смирнова 2021, с. 31]: *авиамет-(авиаметео-), авиаспорт-, авиатех-, авиахим-* (см. об этом: [Халабузарь 2019]). Абброконструкт – единица, определяющая сущностные характеристики функционирования сложносокращённых апеллативов и выступающая в качестве «морфематизированного» заместителя какого-либо слова эквивалентного аббревиатуре словосочетания. Абброконструкты создаются путём сокращения, но используются как стереотипизированное средство замещения. Например, любое коллокативное словосочетание, содержащее в своём составе прилагательное *авиационный*, может быть преобразовано в

слово путём замены этого слова уже готовым абброконструктом «авиа»: *авиационный хаб – авиахаб, авиационный холдер – авиахолдер* и т.д. Противопоставляющиеся сложносокращённым апеллиативам инициальные аббревиатуры и сложносокращённые онимы формируются по другим принципам:

- инициальные аббревиатуры возникают в результате реального сокращения слов эквивалентного словосочетания до их первых звуков и букв; в отличие от абброконструкта, всегда имеющего «привязанный» к нему конкретный набор словесных эквивалентов (например, *авиа-* всегда определяем эквивалентами, так или иначе связанными со словом *авиация*), инициальные конструкты, например *Д* и *В*, могут быть связаны с любым словом, с них начинающихся, например *дутьевой вентилятор, дефектная ведомость, донный взрыватель, десантный взвод* и т.д.;

- сложносокращённые онимы создаются не столько путём замещения компонентов эквивалентного словосочетания, сколько путём коррелятивного конструирования слов при помощи абброконструктов, которые могут быть как эквивалентными дискретному наименованию, например *Минздрав – Министерство здравоохранения*, так и не соответствовать ему в полной мере, например *Росзарубежцентр – Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации*.

«Совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [Рязанова 2020, с. 114], формируют аббревиатурную группу. В аббревиатурную группу «авиа», по данным картотеки Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка, входит 286 аббревиатур. Следует особо отметить, что отнесение того или иного слова к сложносокращённым апеллиативам осуществляется нами не на основе диахронно подкреплённой констатации производности его от словосочетания, а на основе синхронной интерпретации носителями языка слова как аббревиатуры, независимо от того, возникло ли оно в результате универбализации словосочетания, или это словосочетание было вторично развёрнуто на базе абброморфемного слова путём псевдоунивербализации. Например, с точки зрения диахронии слово *авиакомплекс* возникло в результате универбализации словосочетания *авиационный комплекс*, а слово *авиакасса* – путём непосредственного присоединения к слову *касса* абброморфемы *авиа-*. Однако для последнего в результате псевдоунивербализации был развёрнут вторичный эквивалент *авиационная касса*, что сформировало синхронную трактовку данной лексемы как аббревиатуры. Именно поэтому на синхронном срезе языка нивелируется диахронное различие между *авиакомплексом* и *авиакассой*, что и позволяет считать их синхронными аббревиатурами.

Вследствие разнонаправленной псевдоунивербализации, которая на синхронном срезе языка выступает в качестве средства дешифровки

аббревиатуры, вокруг слова может возникнуть не просто аббревиатурная пара, но целое гнездо эквивалентности, которое определяется как совокупность словосочетаний, связанных с аббревиатурой мотивационными отношениями и могущих выступать в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы этой аббревиатуры. Например, в гнездо эквивалентности слова *авиаобслуживание* входят обнаруженные в эквивалентных текстах словосочетания *авиационное обслуживание, обслуживание авиарейсов, обслуживание авиапассажиров, обслуживание авиаперевозок, обслуживание гражданской авиации, обслуживание авиационных перевозок, авиатранспортное обслуживание, обслуживание авиационных рейсов*.

Наличие у слова большого количества эквивалентов обеспечивается формированием вокруг аббревиатурной системы дешифровальных стимулов, под которыми со структурной точки зрения понимаются «стереотипная модель развёртывания слова в словосочетание» [Теркулов 2016, с. 18], а с когнитивной – «имплицитные знания носителя языка, которые стимулируют возможность дешифрования сложного слова тем или иным способом» [Рязанова 2017, с. 110].

Формально-ономасиологическая типология дешифровальных стимулов была представлена в работах А.И. Бровца, выделившего «презентативные, выраженные относительным прилагательным с квалификативной семантикой (*автомобильная авария – автоавария*), и интерпретативные дешифровальные стимулы, среди которых различаются релятивные, выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа (*авария автомобилей – автоавария*), и модификативные дешифровальные стимулы, включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры (*автодорожная авария – автоавария*)» [Бровец 2019, с. 256]. Объектом нашего рассмотрения являются релятивные дешифровальные стимулы в аббревиатурной группе «авиа».

В работе над Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка при описании дешифровальных стимулов используются термины «лемма» и «токен». Токен – это конкретная речевая реализация дешифровального стимула, а лемма – «словарная» форма, обобщение всех формально связанных и семантически тождественных токенов [5].

Для аббревиатурной группы «авиа» отмечается две релятивные леммы – *авиация* и *авиатор*.

Лемма *авиация*, имеющая значения «теория и практика передвижения по воздуху на летательных аппаратах тяжелее воздуха» и «воздушные средства передвижения, воздушный флот» реализуется в токенах *авиацией* (*авиаобстрел – обстрел авиацией*); *авиации* (*авиагарнизон – гарнизон авиации*); *авиация* (*авиасвязь – авиация связи*); *в авиации* (*авиаслужба – служба в авиации*); *для авиации* (*авиатопливо – топливо для авиации*); *от*

авиации (авиашум – шум от авиации); по авиации (авиаинспектор – инспектор по авиации).

Лемма *авиатор* «1) Специалист в области авиации – теории и практики передвижения в околоземном воздушном пространстве на летательных аппаратах тяжелее воздуха (самолётах, вертолётах, планерах). 2) *Арх.* Специалист, управляющий летательным аппаратом, лётчик» представлена токенами *авиатора (авиашлем – шлем авиатора); авиаторов (авиапраздник – праздник авиаторов).*

Описание дешифровальных стимулов включает две процедуры: 1) определение общей формальной модели использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании и 2) установление ономасиологической (сеантической) роли дешифровального стимула.

Для моделирования форм использования релятивного дешифровального стимула применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, то есть, собственно, дешифровальный стимул абброконструкта, предл – предлог. Конкретизация моделей осуществляется путём уточнения формального статуса дешифровального стимула, в котором рядом с оператором Сущ (существительное) указывается номер падежа (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.) и число (ед. – единственное, мн. – множественное).

Для моделирования ономасиологической (семантической) роли используются обозначения семантических (глубинных) падежей. Нами выделяются:

1. Агентив – семантическая роль, указывающая на производителя действия: *авиаатака – атака авиации.*

2. Делибератив – семантическая роль, указывающая на объект описания: *авиаруководство – руководство по авиации.*

3. Дестинатив – семантическая роль, указывающая на назначение референта, обозначенного базовым словом словосочетания: *авиапространство – пространство авиации.*

4. Дистрибутив – семантическая роль, указывающая на референта как на объект представления или распределения: *авиарынок – рынок авиации.*

5. Каузатив – семантическая роль, указывающая на референта, являющегося источником для состояния объекта, обозначенного главным словом эквивалентного словосочетания: *авиалюбитель – любитель авиации.*

6. Локатив – семантическая роль, указывающая на место реализации референта, обозначенного главным словом производящего словосочетания: *авиановинка – новинка в авиации.*

7. Поссесив – семантическая роль, указывающая на принадлежность референта, обозначенного базовым словом словосочетания: *авиаклуб – клуб авиаторов.*

8. Трансгрессив – семантическая роль, указывающая на объект видоизменения: *авиаремонт – ремонт авиации.*

9. Фактитив – семантическая роль, указывающая на продукт деятельности референта, обозначенного главным словом эквивалентного словосочетания: *авиапроизводство – производство авиации*.

Для релятивных дешифровальных стимулов аббревиатурной группы авиа отмечаются следующие модели.

у-х

Сущ²ед: *авиации*.

Агентив, например *авиаатака – атака авиации, авиабуслуги – услуги авиации, авиаоперация – операция авиации, авиаполёт – полёт авиации*.

Дестинатив, например *авиаснабжение – снабжение авиации, авиаобслуживание – обслуживание авиации, авиаинструктор – инструктор*.

Дистрибутив, например *авиавыставка – выставка авиации, авиамузей – музей авиации, авиаперевоска – перевозка авиации*.

Поссесив, например *авиабаза – база авиации, авиабезопасность – безопасность авиации, авиавооружение – вооружение авиации*.

Трансгрессив, например *авиаремонт – ремонт авиации*.

Фактитив, например *авиапроизводство – производство авиации, авиастроительство – строительство авиации*.

Сущ²ед: *авиатора*.

Поссесив, например *авиашлем – шлем авиатора*.

Сущ²мн: *авиаторов*.

Агентив, например *авиаатака – атака авиации, авиасоревнование – соревнование авиаторов*.

Поссесив, например *авиаклуб – клуб авиаторов, авиапраздник – праздник авиаторов*.

Сущ⁵ед: *авиацией*.

Агентив, например *авиаобстрел – обстрел авиацией, авиадоставка – доставка авиацией*.

Дестинатив, например *авиаруководство – руководство авиацией, авиауправление – управление авиацией*.

Сущ¹ед: *авиация*.

Агентив, например *авиасвязь – авиация связи*.

у-(предл)х

ПредлСущ²ед: *для авиации*.

Дестинатив, например *авиагорючее – горючее для авиации, авиаоружие – оружие для авиации*.

ПредлСущ²ед: *от авиации*.

Каузатив, например *авиашум – шум от авиации*.

ПредлСущ³ед: *по авиации*.

Дестинатив, например *авиаинструктор – инструктор по авиации, авиаменеджер – менеджер по авиации*.

Делибератив, например *авиаруководство – руководство по авиации*.

ПредлСущ⁶ед: *в авиации*.

Локатив, например *авиаслужба – служба в авиации, авиасвязь – связь в авиации*.

Таким образом, в гнездах эквивалентности аббревиатурной группы «авиа» представлены две релятивные дешифровальные леммы, реализованные в девяти дешифровальных токенах. Наибольшая токеническая представленность отмечается для леммы *авиация* (семь токенов). У леммы *авиатор* – два токена. Нами обнаружены две модели использования дешифровального стимула (*у-х* и *у-(предл)х*). Первая реализуется в пяти конкретизированных формальных моделях, а вторая – в трёх. Релятивные дешифровальные стимулы выполняют девять семантических ролей. Наибольшее количество реализованных семантических ролей отмечается для модели *у-х/Сущ2ед* – семь (шесть для леммы *авиация* и одна для леммы *авиатор*). В последующих работах мы предполагаем описать модификативные дешифровальные стимулы, используемые в аббревиатурной группе «авиа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бровец А.И. Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки / А.И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума: в 2-х томах. Т.1. – Симферополь, 2019. – С. 244–251.
2. Рязанова В. А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 108–116.
3. Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В.А. Рязанова // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 114–122.
4. Смирнова И.Р. Типология аббревиатурных конструктов русского языка / И.Р. Смирнова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 30–33.
5. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2016. – Вып. 3 (29). – С. 13–25.
6. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
7. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов / В.И. Теркулов //

Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 69-80.

8. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112.

9. Халабузарь А.О. Составные абброконструкты с компонентом "авиа": формальное и ономаσιологическое описание / А.О. Халабузарь // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума: в 2-х томах. Т.1. – Симферополь, 2019. – С. 302–307.

10. Халабузарь А.О. Презентативные дешифровальные стимулы аббревиатурного гнезда «авиа» / А.О. Халабузарь // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 69–72.

A.O. Halabuzar

RELATIVE DECRYPTION STIMULES OF THE ABBREVIATION GROUP "AVIA"

The work is devoted to the description of the system of relative decoding stimuli of the abbreviation group "avia". The author defines the concepts of "complex abbreviated appellative", "abbroconstruct", "abbreviation group", "decryption stimulus", decryption token", "decryption lemma", establishes the differences between the relative deciphering stimulus and other types of deciphering stimuli, presents formal and onomasiological models for the use of relative deciphering stimuli. stimuli of the abbreviation group "avia".

Key words: *relative, deciphering stimulus, compound abbreviated appellative, abbreviation, formal model, onomasiological model.*

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 801.73

А.В. Домашенко

ГЛАЗ ХУДОЖНИКА И СЛОВЕСНЫЙ ЛАД: ГОГОЛЬ, ДОСТОЕВСКИЙ, ТОЛСТОЙ

В статье рассматривается творчество Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого в аспекте соотношения словесного лада и художественного образа. Поэтическое творчество движется от изначального словесного лада как явленности бытия (ποίησις) к воплощению бытия в образе (ποίητικὴ τέχνη). Но подлинный образ всегда хранит связь со своим онтологическим истоком.

Ключевые слова: словесный лад, поэзия, художественный образ, поэтическое искусство.

Что такое «словесный лад»?

В чем его смысл, значимость?

С какими привычными понятиями теории литературы он коррелирует?

При каких условиях обращение к нему необходимо?

Говоря о словесном ладе, мы ищем ключ к творчеству Гоголя.

Все приведенные выше вопросы подразумевают, что разговор развертывается в границах филологии.

Но что значит «филология»?

То, что традиционно изучается на филологическом факультете?

Ни в коем случае. То, что изучается на этом факультете в разных университетах, не ближе к филологии, которая имеется здесь в виду, чем физика или математика. Быть филологом и иметь специальность филолога – совершенно разные вещи. Подлинная филология и ремесло, которому обучают всех подряд на вышеназванном факультете, не совпадают и никогда не совпадали ни в одном пункте. Почему?

Фридрих Шеллинг во Введении в «Философию искусства» утверждает, что «филологом необходимо родиться не менее, чем поэтом» [3, с. 47]. Разве филологические факультеты в своей работе со студентами когда-нибудь исходили из этой установки? А ведь слова Шеллинга подразумевают лишь необходимость эстетического чувства в филологах, и само по себе это еще очень далеко от словесного лада и подразумеваемой им фундаментально-онтологической проблематики.

Вопрос о филологии принадлежит вопросу о сущности языка, который выходит за пределы не только лингвистики, но и так называемой философии языка.

Это самый сложный вопрос, но и самый сущностный, касающийся всех без исключения. Может быть, поэтому то множество, которое принадлежит ко «всем без исключения», считает этот вопрос самым легким. Но именно потому, что он самый сущностный, ответ на него остается за семью печатями, поскольку в эпоху не только онтологического, но и метафизического безвременья неизбежно утраченным оказывается и понимание человеком своей сущности.

Эта сущность была ведома Пиндару, который в 6 Немейской песне называет людей словесными: *λοῦίοισιν*. Только будучи словесным, то есть онтологически укорененным в языке, человек (*λόγιος ἄνθρωπος*) становится сведущим в том смысле, какой мы имеем в виду, когда говорим о жрецах и предсказателях (пророках) в их изначальной неразрывной связи с поэтами.

Песня Пиндара начинается словами (перевод М.Л. Гаспарова):

*Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас – от единой матери,
Но сила нам отпущена разная...*

Λόγιος и есть то, в чем проявляется онтологическое родство людей и богов в их взаимной обращенности друг к другу, то есть лад. Лад, согласно первоначальной греческой поре, в высшей и самой неоспоримой своей явленности может быть только словесным, когда в нем раскрывается имплицитная полнота благого имени; поэтому земное благополучие и процветание – не что иное, как следствие этой ладности:

*Отовсюду течет широкая прибыль
К словесным людям,
Украшающим остров, добрый в славе,
Ибо Эакиды
Явленными своими великими доблестями
Несравненный жребий выметнули ему.
Имя их распространилось
Над сушей и морем
До самых эфиопских земель...*

Приобщиться к бытию, «быть» – значит «быть словесным». Вне словесного бытия – тьма крошечная, небытие.

22.05.2013

Реализм средневековой философии – поздний, искаженный схоластикой отголосок этого словесного лада. Конфликт св. Бонавентуры (1221–1274), «серафического доктора», одного из десяти величайших учителей церкви, и сторонника опытной науки Роджера Бэкона (1214–1294) свидетельствует о том, что на смену парадигме *λόγιος ἄνθρωπος* постепенно приходит другая,

протагонистом которой является человек, понятый как *animal rationale*. Впрочем, сам Роджер Бэкон очень далек от нынешних эмпириков, поскольку признавал не только эмпирическое опытное знание, но и мистическое.

Когда Джульетта в знаменитой сцене на балконе говорит (перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник):

*Что в имени? То, что зовем мы розой, –
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени... –*

она выступает в философии как сторонница Р. Бэкона.

Это значит, что язык перестает быть онтологическим лоном, принадлежность которому делает человеческое существование бытийным, но отныне сам становится принадлежностью человека.

«What's in a name?» – спрашивает Джульетта. На эти слова откликнулся Пушкин в одном из самых прекрасных своих стихотворений («Что в имени тебе моем?..»). Подхватывая слова Джульетты, Пушкин по ходу развертывания стихотворения по сути их опровергает.

У св. Бонавентуры еще сохраняется контекст словесного лада, тогда как Р. Бэкон – предвестие наступающей трагической эпохи. Поэтому и «Ромео и Джульетта» – трагедия, жанр, который с наибольшей адекватностью передает суть того, что неотвратимо становится реальностью.

Нам, живущим на излете этой эпохи, в полной мере явлена сущность «страшного мира» благодаря искусству, трагическому по своему преобладающему духу.

В поэтическом искусстве (*ποιητικὴ τέχνη*), в отличие от изначальной *ποίησις*, нет и не может быть словесного человека, но есть его образ – путеводная нить, которая позволяет сохранить память о ладе, связь с ним. Кормчих звезд уже не видать, но есть маяки – образы, подражание словесному ладу.

На смену ладу с его нерушимой целокупной подлинностью существования приходят: глаз – в живописи, слух – музыке, глаз и слух – в поэтическом искусстве.

Приходит стиль: творение становится произведением искусства.

На вершинах искусства стиль всегда связан с образом, подражающим ладу. Как только теория литературы отказывается от образа, она теряет способность различать стиль и манеру – субъективную подделку под стиль, когда никаких маяков уже не остается.

Образ относится к области воображения. Именно в этом смысле говорит о филологе Шеллинг: филолог должен обладать таким же даром воображения, каким обладает поэт, он должен родиться с таким даром. Только при этом условии – через посредство образа – ему откроется

сокровенное содержание произведения искусства. Явленная в образе красота – это ведь тоже разновидность благочестия, высшая апология искусства.

Образ сохраняет свою сущность лишь до тех пор, пока он остается чувственной экспликацией своей внутренней формы – лада. Как только эта связь утрачивается, сам образ становится орнаментальным излишеством – деградация образа в позднем реализме, позитивизме. Появление «духовных рахитов» в искусстве, предсказанное Жан-Полем.

Так осуществляется – в XX веке, в эпоху самой темной ночи последнего предела – второй шаг отпадения от словесного лада. Язык объективируется в качестве лингвистической данности, произведение искусства становится текстом. Здесь стиль растворяется в стилистике.

Помните в первом классе наше детское сопротивление грамматическому изучению родного языка? В самом главном мы были правы, потому что рассудочная грамматика ничего не оставляла от того словесного лада, в котором мы чувствовали себя в раннем детстве, как дома. Появлялось ощущение, что мое целое “Я” делят на части, тем самым безнадежно обедняя его. На смену восприятию целого мира и пребыванию в нем приходило упрощенное рассудочное его понимание с его всегдашним спутником – самодовольным здравомыслием.

Очевидно, педагогика будущего будет исходить из установки не разрушать целое ради такого сомнительного результата, а, напротив, находить в целом для грамматики ее скромное место.

Опредмечивая язык, превращая его в лингвистическую данность, мы – в онтологическом смысле – оказываемся во тьме кромешной, где нет уже и маяков, а есть только «болотные огни»: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?» («Мертвые души»).

Эти болотные огни откликнутся позднее – в смутное время – в лирике Блока:

*И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морицин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют* (“Ночная Фиалка”, 1906).

Феноменология духа целиком определяется нашим отношением к языку. Язык – это целебный родник, но его живую воду мы давно уже разучились пить.

Когда мы оказываемся на третьей ступени, не только невозможно искусство, но и понимание его. Неисчислимы примеры такой клинической глухоты к слову и слепоты к красоте дают разные направления литературоведческой грамматики.

23.05.2013

Стало быть, остаются две возможности: либо глаз – и тогда стиль, произведение искусства, возведенное в «перл создания», при одновременной глухоте к словесному ладу и его строю, при полном отсутствии пифизма – верного признака словесного лада: *πυθόμαντις* (пророчащий в Дельфах, Дельфийский оракул). Это Лев Толстой. Художник. Равного ему если и сыщешь во всей мировой литературе – с трудом.

«Словесно бездарный Толстой, растрепанный и неповоротливый – русский во французской упряжке (синтаксис) – работая над словом неизвестно как и почему, но с одной мыслью ясности, при своем гениальном гоголевском зрении изобразил жизнь в глубину и даль, касаясь незримого простому глазу задального (закат в “Чем люди живы”» [1, с. 44].

Либо музыка словесного лада при отсутствии и ненадобности стиля: это Достоевский – «манера письма и словарь потершегося газетчика» (А. Ремизов); «журналист» (В. Набоков).

Нет стиля, нет и вещей, но есть «огонь вещей»: «слух проник в первозвук и глаз в глубь света» [1, с. 243].

Об этом словесная живопись ничего не скажет, и стиль, самый совершенный, в бессилии опустит руки, но может спеть античный хор: «Скрытое от глаз мысленное действие, ход и распря мыслей, часто выражается у Достоевского введением античного хора» [1, с. 226].

У Достоевского, конечно, не хор античной лирики, а хор трагедии – не одно и то же.

Из этого хора Бахтин вывел свою полифонию, сведя ее к диалогу, абсолютизовав, таким образом, распря.

Музыки нет и не может быть в диалоге, а полифонии без симфонизма не бывает. Между тем, Достоевский – не без музыки. Об этом пишет В.В. Розанов, сравнивая Толстого и Достоевского: «Каждое произведение Толстого есть здание. Что бы ни писал или даже ни начинал он писать (“отрывки”, “начала”) – он строит. Везде молот, отвес, мера, план, “задуманное и решенное”. Уже от начала всякое его произведение есть в сущности до конца построенное.

И во всем этом нет стрелы...

Достоевский – всадник в пустыне, с одним колчаном стрел. И капает кровь, куда попадает его стрела» [2, с. 423].

«...Достоевский *живет* в нас. Его музыка никогда не умрет» [2, с. 424].

Эта музыка – знак окликнутости «*оттуда*»: то, «что поставило Достоевского по силе его слова сверх литературы вровень с пророками» [1, с. 251].

Гоголь уникален тем, что ему сверх всякой меры отпущены были оба дара, так что и в первом, и во втором к нему можно только приближаться, но превзойти его нельзя.

У Толстого – «гениальное гоголевское зрение».

У Достоевского – гоголевский пророческий дар.

Об искусстве Гоголя: «Перестаешь верить действительности, читая Гоголя.

Свет искусства, льющийся из него, заливает *всё*. Теряешь осязание, зрение и веришь только *ему*» [2, с. 353].

Чары творчества Гоголя – необычайны, но источник их не в искусстве: «Источник выдумки, как и всякого мифотворчества, исходит не из житейской ограниченной памяти, а из большой памяти человеческого духа, а выявление этой памяти – сны или вообще небодрственные состояния, одержимость» [1, с. 37].

Казенным понятием из учебника («мифотворчество») Ремизов закрывает подходы ко всему тому, что он сам писал о словесном ладе у Гоголя.

Одержимость – *μανία*, *мания* – то слово, над которым нам всем необходимо размышлять, если мы хотим когда-нибудь приблизиться к пониманию словесного лада.

Словесный лад – онтологический предел поэтического искусства. Этот предел и пытался преодолеть Гоголь в «Мертвых душах», но современники за ним не поспевали. Не поспеваем и мы, нынешние.

Донецк, 28.03.2021

Из книги А.В. Домащенко «Судьба поэтического искусства»

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье // Ремизов А.М. Сны и предсонье / А.М. Ремизов. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 13–270.
2. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Розанов В.В. Мысли о литературе / Розанов В.В. М.: Современник, 1989. – С. 331–496.
3. Шеллинг Ф.В. Философия искусства / Ф.В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.

**THE EYE OF ARTIST AND VERBAL HARMONY:
GOGOL, DOSTOYEVSKY, TOLSTOY**

The article deals with the works by N.V. Gogol, F.M. Dostoyevsky, L.N. Tolstoy in the aspect of correlation of verbal harmony and artistic image. Poetic creation moves from primordial verbal harmony as presence of being (ποίησις) to embodiment of being in image (ποιητική τέχνη). But genuine image already keeps connection with its ontological source.

Key words: *verbal harmony, poetry, artistic image, poetic art.*

СОДЕРЖАНИЕ

Словообразование и грамматика

Аламайрех Е.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Реестр дешифровальных стимулов аббревиатурной группы «авто».	4
Винникова-Закутняя Т.С. (ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия») О проблеме выделения принципов классификации частей речи в русском языке	21
Гордиенко В.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Внеурочная деятельность в рамках реализации ФГОС 4-го поколения	27
Евсеева М.Г. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») К вопросу о функциональных и стилистических особенностях научной речи педагога	31
Курмакаева Н.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») О системности предложений с квантитативно-генитивным компонентом	38
Стебунова А.Н. (ГОУ ВПО «Донецкой национальный университет») Дифференциация терминоэлементов с пространственным значением в анатомо-гистологической терминологии	46
Плахтий Т.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Формирование орфографической компетенции у младших школьников на уроках русского языка	52
Теркулов В.И. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Усечения: дериваты, аббревиатуры или варианты слов	62
Титаренко Э. А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Корреляции семантики дейктивности, интенсивности, неопределенности	76
Халабузарь А.О. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Релятивные дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «авиа»	84

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Домашенко А.В. Глаз художника и словесный лад: Гоголь, Достоевский, Толстой 92

CONTENTS

Derivation and Grammar

Alamayrekh E.Yu. Register of decryption stimules abbreviation group "auto"	4
Vinnikova-Zakutniaia T.S. On the problem of highlighting the principles of classification of parts of speech	21
Gordienko V.P. Extracurricular activities in the framework of implementationfgos 4th generation	27
Evseeva M. G. On the question of functional and stylistic features of the teacher's scientific speech	31
Kurmakaeva N.P. On the systemity of sentences with a quantitative-genitive component	38
Stebunova A.N. Differentiation of terminoelements with spatial significance in anatomical and histological terminology	46
Plachtij T. P. Formation of spelling competence in younger schoolchildren in russian lessons	52
Terkulov V.I. Reductions: derivative words, abbreviations or word variations	62
Titarenko E. A. The correlation among the meanings of deicticity, indeterminacy and intensity	76

Halabuzar A.O. Relative decryption stimulates 84
of the abbreviation group “avia”

**Literature and Linguistic analysis
of Literary Text**

Domashchenko A.V. The eye of artist and verbal harmony: Gogol, 92
Dostoyevsky, Tolstoy

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
- вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
- третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
  - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
  - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;

- в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."...»;
- г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
- д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
 На Марсовых полях он грозный был воитель.
 Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
 И всюду он гусар.

(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>
И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке**.

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М.,

N. V. Gladkaya

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

